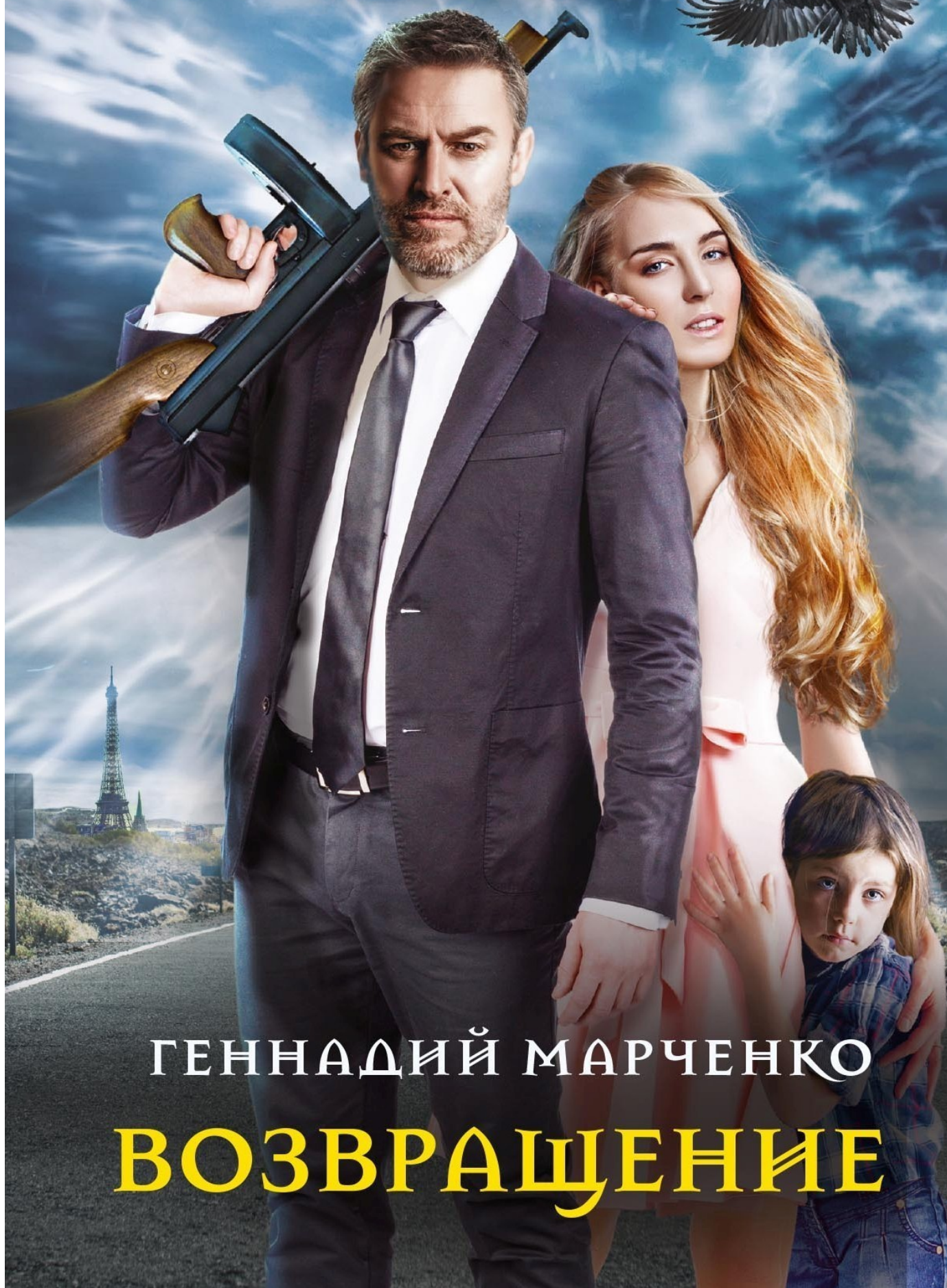

ВЫЖИВШИЙ

ГЕННАДИЙ МАРЧЕНКО
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Наши там (Центрполиграф)

Геннадий Марченко

Возвращение

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Марченко Г. Б.

Возвращение / Г. Б. Марченко — «Центрполиграф»,
2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08762-1

Прошли годы. Не без участия Ефима Сорокина, он же Фил Бёрд, послевоенная Европа приобрела совсем другой вид. Сам же герой – вполне успешный бизнесмен. Однако, зайдя как-то в бар с помощником директора ФБР, умудрился влипнуть в историю, в результате которой мексиканским наркокартелем были похищены его дочь и беременная жена. Приходится платить большой выкуп, но недаром Ефим когда-то снял в Голливуде фильм «Мсть подаётся холодной». Вот и наш герой решает жестоко отомстить похитителям...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08762-1

© Марченко Г. Б., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Геннадий Борисович Марченко
Возвращение
Роман

© Марченко Г. Б., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

Часть первая

Глава 1

Ой, ну что за люди! Откуда же у них руки растут?! Всё нужно контролировать самому... Ну, или если не всё, то хотя бы частично, поскольку моя империя за последние годы изрядно разрослась, и Стетсон физически не успевает за всем следить. Бедняга, у него уже седые волосы появились, а ведь ему, кажется, ещё и сорока нет. Я уж намекал парню, мол, подумал бы об отдыхе, о помощнике, о личной жизни... Я вон и то женой обзавёлся на старости лет, а ты, впахивая на меня и на ФБР, сам себя уже не помнишь. Нет, я, говорит, пожизненный холостяк, от женщин одни проблемы, они только отвлекают от настоящего дела.

Надеюсь, он не меня имел в виду и мою Варю, то есть Барбару... У нас-то, слава богу, совет да любовь. На редкость скромный человек. Когда решил назвать киностудию её именем – Barbara Films, она поначалу всячески сопротивлялась. Но я всё-таки её уломал и, невзирая на природную скромность моей супруги, видел, что ей это чертовски приятно.

А ведь в этом году пять лет, как мы с Варей официально муж и жена. Брак был заключён в мэрии Лас-Вегаса 10 апреля 1944 года, через месяц после капитуляции фашистской Германии. То есть данное самим себе обещание мы фактически сдержали, сыграв относительно скромную свадьбу после Победы.

Хотя Варя и была атеисткой, но по моей просьбе наш брак был освящён в русской церкви преподобного Евфимия Солунского. Церковь с разрешения Северо-Американской митрополии была возведена в рекордно короткие сроки – всего за пять месяцев, а настоятеля в чине иеромонаха мне прислали аж с Аляски, из Анкориджа. Увидев небольшой, но выстроенный по всем канонам православия храм, отец Феодосий перекрестился на сиявшие позолотой купола, поддёрнул рясу и отправился принимать хозяйство.

Варю даже заранее окрестили, причём тайком, потому что по легенде она уже была крещённой при рождении. Видел, что ей это не очень нравится, но мотивировал необходимостью выполнения нашего задания – создания образцовой семьи, которой необходимо выглядеть своими в обществе, где семья и церковь шли, можно сказать, рука об руку.

Помню нашу с ней первую ночь на американской земле. Случилось это в номере небольшого мотеля на окраине Лос-Анджелеса. Тогда после почти двух часов непрерывного секса – сам удивился, что пребываю в такой неплохой форме, – Варя откинулась на подушку и выдохнула:

– Теперь можно и умереть!

На что я, глядя на её вздымавшуюся в сумраке грудь, ответил:

– Не говори глупостей, жизнь только начинается.

Несколько месяцев мы встречались, изображая случайно познакомившихся людей, прежде чем я сделал Варе-Барбаре предложение, от которого она не смогла отказаться, и переехали в Лас-Вегас. Друзья и коллеги были за меня искренне рады, никто даже и словом не обмолвился, что такая шишка, как я, женится на вчерашней официантке да ещё и сироте. Жаль, что не могли присутствовать её родители, им просто сказали, что их дочь выполняет важное государственное поручение за границей, где вышла замуж. Варя очень переживала, что вынуждена скрывать от отца с матерью своё местонахождение, но переживала про себя. Выдержка у неё была чекистская.

На бракосочетание приехали и Науменко, и оба Вержбовских, даже Гувер прислал на свадьбу от своего имени огромный букет алых роз, сопроводив его запиской, что желает нам с Барбарой долгой счастливой совместной жизни.

А через месяц после торжества глава ФБР, не афишируя свой визит, лично прибыл в Лас-Вегас решить кое-какие дела и в приватной беседе заметил, что очень уж похожа моя супруга на ту девушку, чей портрет он видел у меня давным-давно на столе.

– А вы наблюдательны, – улыбнулся я.

И выдал заранее заготовленную версию. Якобы мне удалось по тайным каналам связаться с Варей и даже вызволить её в Соединённые Штаты, что обошлось в весьма кругленькую сумму. Благо девушка оставалась в оккупированной немцами Одессе, которую Гитлер передал Румынии. Я через своих людей нанял контрабандистов в нейтральной Турции, которые через практически невоюющую Болгарию смогли пробраться в Румынию, оттуда в Одессу и вывезти Варю тем же путём, а затем через Ближний Восток и Африку – в Соединённые Штаты.

Для всех в Союзе она считается пропавшей без вести, в курсе только родители, умело разыгравшие бесконечное горе. А чтобы уже здесь, в Штатах, не привлекать внимания, пришлось обставить наше знакомство как случайное, разыграв целый спектакль, до этого успев сделать соответствующие пометки в приютских записях и снабдив Варю поддельными документами, что тоже влетело в копеечку.

– На что только не пойдёшь ради любимой женщины, – вздохнул я и тут же изобразил почти натуральное волнение: – Надеюсь, мою жену не депортируют обратно в СССР? В противном случае НКВД отправит её в ГУЛАГ, откуда многие живыми не возвращаются. Да и поддельные документы... Вы же теперь обязаны сообщить в миграционную службу...

– Не переживайте, мистер Бёрд, – рассмеялся Гувер. – Как-никак мы с вами в одной команде, должны помогать друг другу, так что никто у вас жену не отберёт. Во всяком случае, ваша маленькая тайна дальше этих стен не уйдёт, а если понадобится, то я надавлю на нужные рычаги, поскольку ни в малейшей мере не хочу быть причиной вашей семейной трагедии. А Барбара, кстати, довольно симпатичная особа, вы не прогадали.

На этом мы с ним расстались, и больше года я с ним с глазу на глаз не общался, разве что по телефону sporadически получал какие-то рекомендации. Каждый такой односторонний звонок сопровождался моей лёгкой паникой. А ну как он что-то раскопал? Хотя вряд ли в таком случае он стал бы предупреждать меня об этом звонком, просто прислал бы самолётом своих агентов покрепче, заковали бы нас с Варей в наручники и отправили в Вашингтон.

К свадьбе для меня и Вари был отгрохан двухэтажный особняк с живой изгородью, двориком с изумрудной травой и бассейном. Не приведу же я свою жену в номер отеля, пусть он даже и относится к категории «люкс». Тем более что в доме заранее предусмотрена детская. Варя, не привыкшая к такого рода роскоши, в первый день боялась даже что-то тронуть, чтобы ненароком не повредить, насилу затащил её в бассейн. Глядя на её мышинного цвета трусики и бюстгальтер, подумал, что надо было заранее озаботиться о купальнике, но тут всё равно нас никто не видит, так что лучше вообще плавать без одежды. Тем более я намеревался завершить наши водные процедуры совокуплением, что в итоге и случилось.

Застенчивость с Вари приходилось снимать слоями, словно шелуху с луковицы. Реальный кастинг в паре голливудских студий, которые она специально провалила, а также работа официанткой хоть и ассимилировали её немного в американскую жизнь, но советская действительность сидела в моей любимой крепко. Хорошо хоть, в кафе не устроила соцсоревнование с вывешиванием портретов лучших работников на Доске почёта.

А как я водил свою возлюбленную по лос-анджелесским магазинам! После заброски в Штаты она жила более чем скромно, не позволяя себе лишнего. Впрочем, воспитанная в СССР девушка и не привыкшая к роскоши всё же по пути на работу и обратно в съёмную квартирку непроизвольно замедляла шаг возле огромных витрин с платьями, туфлями, сумочками и прочей дребеденью, на которую так падки женщины всех времён и народов. Да что там кривить душой, нам же, мужикам, тоже приятно, когда наши жёны и подруги «прикинуты» по высшему разряду.

Вот и я, как только мы официально заявили о своих притязаниях друг на друга, повёл Варю на шопинг. Вернее, повёз, арендовав на весь день практически новенький бьюик-роуд-мастер. К вечеру весь багажник был забит сумками и коробками, да ещё что-то закинуто на заднее сиденье. И всё это повезли на её съёмную квартиру. Когда я через неделю собирался повторить шопинг-тур, Варя решительно воспротивилась:

– Фима, ещё с прошлого раза вся квартира завалена покупками! Да и куда мне всё это надевать?

– А я хотел предложить сегодня вечером сходить в театр Pantages. Там сегодня мюзикл дают «Оклахома» с Джоан Робертс. У меня и билеты уже есть, – продемонстрировал я ей два цветных кусочка плотной бумаги.

– Ох, ну ладно, что-нибудь подберу на вечер, – делано вздохнула Варя. – Платье... Пожалуй, то, что мы купили в Беверли-Хиллз, но там же купленные туфли не надену, у них шпилька высокая, я на такой ходить толком не умею. Зачем мы вообще их купили? Надену на среднем каблучке.

– И колечко с бриллиантом не забудь, – напомнил я Варе о своём недавнем подарке.

В общем, понемногу выводил любимую в свет, приучая к будущей жизни жены миллионера. Хотя не особо упорствовал, чтобы не перегнуть палку, а то вдруг в Варьке проснётся избалованная светская львица – вот уж чего мне меньше всего хотелось бы. Впрочем, она и сама прекрасно чувствовала меру. Как-то, когда мы остались наедине, задумчиво крутя на безымянном пальце колечко с бриллиантом в три карата и закусив нижнюю губу, она грустно вздохнула:

– Фима, я такой подлой себя чувствую... Там война, а ты на меня столько уже потратил, что на эти деньги можно было бы купить, наверное, десять тонн хлеба. Столько советских людей можно было бы накормить...

– Не нужно себя корить, дорогая, ты в Америку не развлекаться приехала, а выполнять ответственное задание. А стране я и так помогаю по мере сил. И поверь, неплохо помогаю. Просто ты многого не знаешь.

Мы с Варей считали дни до Победы, в том числе памятуя о нашем обещании сыграть свадьбу, только когда Германия капитулирует, хотя из Центра намекали, что можно и не затягивать. Как бы то ни было, с момента нашего знакомства до свадьбы прошло десять месяцев, и за это время я столько раз побывал в Лос-Анджелесе, что сбился со счёта.

На свадьбе Вержбовский тоже распознал в моей невесте ту девушку с чёрно-белой фотокарточки, которую я всегда носил с собой и чей увеличенный портрет стоял у меня на столе. Пришлось и ему рассказывать ту историю, которую я позже преподнёс Гуверу. На мой взгляд, легенда, по большому счёту, была шита белыми нитками, но хотя бы у директора ФБР не имелось доказательств, что девушка была заброшена в США советской разведкой. Так что если он что-то и подозревал, то пока эти подозрения держал при себе. Хорошо хоть, допросов с пытками не устраивал, а ведь мог бы, невзирая на мой ещё более выросший статус, предъявить ордер.

Фитин, понятно, на свадьбу явиться не мог, но позже мне лично передал на словах поздравление от товарища Сталина. Я поинтересовался, что нового в Союзе, а то до Штатов информация, как ни крути, доходила иногда в довольно искажённом виде. Холодной войной пока не пахло, так как сенатор от штата Висконсин Джозеф Маккарти уже ни при каких условиях не развяжет «охоту на ведьм». Как только мне на глаза в моей же газете попалась это имя, я сразу же вспомнил об эпохе так называемого «маккартизма», сопоставил очевидное и пришёл к выводу, что этот сенатор и есть тот самый тип, не без непосредственного участия которого была развязана холодная война. Значит, нужно устранить этого клоуна самым безжалостным образом ещё «на взлёте», пока он не успел натворить дел. Гибель сенатора в баналь-

ном ДТП ввиду отказавших тормозов пришлось как нельзя кстати. Услышав новость по радио, я мысленно поаплодировал людям Фитина.

Самое, пожалуй, важное, что после кончины Рузвельта в 1945 году на смену ему пришёл не Гарри Трумэн, как это было в моей истории, а действующий вице-президент Генри Уоллес. Вы спросите, куда подевался Трумэн? Что ж, отвечу... Его убили. Нет-нет, не в буквальном смысле, хотя после подброшенного в прессу (в мои СМИ в первую очередь, хотя Гувер мне и высказал задним числом) компромата Трумэн мог с чистой совестью приставить ствол к своему виску. Ну а что бедолаге оставалось делать после того, как весь мир узнал о его связи с несовершеннолетней девушкой? Я-то догадывался, кто подослал её к нему в гостиничный номер, набитый скрытой аудио- и фотоаппаратурой, но предпочитал свои догадки держать при себе. Так что Трумэн не успел добраться даже до поста вице-президента и сместить с него Уоллеса, который оказался большим другом СССР. В 1944-м, сразу после Победы, он совершил официальный визит в Советский Союз, побывав даже на Колыме. И кроме того, ещё с середины 20-х являлся последователем Николая Рериха и считал его своим гуру. Опубликовать одно из давних писем нового президента Рериху в моих печатных СМИ пришлось после настойчивой просьбы Гувера, которому Уоллес, что логично, встал поперёк горла. Фотокопию письма мне передал лично Стетсон. Деваться было некуда, я не хотел раньше времени оказаться в числе врагов могущественного директора ФБР. Однако информация была подана таким образом, что якобы вредность учения Рериха ещё нужно доказать, приведя мнение специалиста по Агни-йоге.

В итоге не было атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки ни в 1945-м, ни в последующие три года. Пожалуй что и не будет. Хотя в создании ядерного оружия и в этой реальности американцы подсуетились первыми. Но СССР провёл испытания атомной бомбы всего на год позже, так что паритет был восстановлен практически сразу.

О создании НАТО тоже пока речи не шло. Глядишь, мир обойдётся и без североатлантического военного блока. Тогда отпадёт надобность и в Варшавском договоре. Зачем нагнетать обстановку?! Тем более Сталину и Уоллесу пока удаётся вести вполне добрососедский диалог.

СССР понемногу восстанавливался после жестокой войны, и сокровища, добытые не без моего участия, навернякагодились. Думаю, не все они ушли на покупку вооружения и прочих атрибутов войны, Коба по-любому что-то прикроил на послевоенный период. А тут ещё знаменитый генетик и селекционер Николай Вавилов, который в прежней реальности, как я помнил, угодил в опалу, на этот раз после моих записок оказался в фаворе, снова возглавив ВАСХНИЛ, и благодаря своим изысканиям за короткий срок буквально накормил всю страну. Во всяком случае, проблем с хлебом СССР не испытывал. А Лысенко угодил в опалу и трудился на благо страны на Дальнем Востоке, претворяя в жизнь наработки своего идейного противника, восставшего, словно Феникс из пепла.

Кстати, не только Восточная Европа, как и в известном мне мире, отошла под кураторство СССР. Учитывая, что сейчас англосаксы и янки, озабоченные своими проблемами в Индии и с японцами соответственно, не смогли направить в Европу достаточно мощную группировку, получилось так, что советские войска встретили Победу не на Эльбе, а на Рейне и По, и большая часть Европы согласно Ялтинской конференции в феврале 1944 года отошла под юрисдикцию СССР. А это, помимо стран Восточного блока, все Балканы, с Югославией и Грецией, а также объединённая Германия. А вот Италия, Франция, Испания, Португалия, Швейцария и Австрия, включая страны Бенилюкса, Данию и Скандинавские страны, сохранили условно нейтральный статус.

Польша вернулась в состав СССР, не говоря уже о Прибалтийских республиках. Кёнигсберг, как и в моей истории, стал советским. К СССР отошла восточная часть современной Пруссии почти до Берлина. Под шумок зацепили и Финляндию, припомнив Фридрихсгамский мирный договор от 1809 года.

С Японией мы, как водится, немного повоевали, после чего Курилы и Южный Сахалин, спустя сорок лет, вернулись в «родную гавань», то есть в российскую, а теперь уже советскую. Не знаю, имелись ли у советского руководства планы на Страну восходящего солнца, но там подсустились янки, сразу же принявшиеся строить военную базу. А вот Корею нам удалось взять под свой контроль полностью, посадив марионеточное правительство, и мы тоже, не мудрствуя лукаво, создали там сразу две военные базы.

Югославия, кстати, после гибели Иосипа Броз Тито оказалась весьма лояльна к Советскому Союзу. Весной 1944-го Тито погиб в перестрелке с фашистами, вот только пуля почему-то вошла лидеру партизанского движения между лопаток. Догадываюсь, что не обошлось без участия советских спецслужб, как-никак я лично рассказывал Сталину о политике «и нашим, и вашим» будущего президента Югославии. И после Победы страну возглавил совсем молодой по политическим меркам Петар Стамболич, сразу же зачистивший в Москву, видно, на консультации. Именно он устроил чистку среди боснийцев и хорватов, воевавших на стороне Гитлера.

В соседней Албании к власти после окончания войны пришёл Ходжа Энвер. Насчёт него я не сильно потрошил в своё время Википедию, но память подсказывала, что эта страна выбрала не слишком правильный путь, о чём я сообщил через представителя резидента на одной из послевоенных встреч. Буквально месяц спустя Энвер был вызван в Москву. Не знаю уж, чем Иосиф Виссарионович так запугал лидера Партии труда, но, вернувшись в Тирану, тот объявил об ускоренном строительстве социализма и политике сближения с СССР.

Надеюсь, у руководства страны хватит ума не кидать все силы на восстановление экономики отныне дружественных нам государств. Нам-то досталось больше всех, да Германию ещё потрепало изрядно, но ГДР, в чём я более чем уверен, возродится за несколько лет. Немцы – педантичный и трудолюбивый народ, а мы привыкли всё делать с такой-то матерью и бросаться грудью на амбразуру. Тем более техникой мы не так богаты, а человек для многих начальников – не более чем галочка в книге трудов.

С подачи созданной сразу после войны ООН в 1947-м Палестину было предложено разделить и образовать на её территории арабское и еврейское государства. А год спустя Давид Бен-Гурион объявил о создании Израиля. Правда, почти сразу же на новое государство напали Сирия, Египет, Ливан, Ирак и Трансиордания, но израильтяне сумели отбиться.

Не помню точных дат, о чём я тоже упоминал и в своих записках, и в разговоре со Сталиным. Похоже, Коба занял выжидательную позицию, следя, чем всё закончится. Когда же стало ясно, что евреев так просто не сломить, СССР признал новое государство, тут же установив дипломатические контакты.

В Южной Азии тем временем Индия обрела независимость, но Пакистан всё же отделился, став исламским государством. К власти там пришла Мусульманская Лига во главе с яркими антикоммунистами Мухаммадом Али Джинной и Лиакатом Али Ханом. Правда, там успели подсуеститься наши люди, посодействовав пуштунам Северо-Запада и белуджам в Восточном Белуджистане в присоединении к Афганистану. При этом удалось наладить в целом не самые плохие отношения с Пакистаном.

Махатма Ганди сумел пережить 1948-й, в котором, как я помнил, его отправили на тот свет какие-то террористы. Не от Серова или кого-то из его людей, а из своих источников я узнал, что телохранителями Ганди являются советские специалисты. А ведь я когда-то упоминал то ли в разговоре с кем-то из советских шишек, то ли в записях, что Ганди погибнет в результате заговора. Похоже, были приняты соответствующие меры. Но при этом Ганди остался всего лишь духовным вождём страны, а пост премьер-министра занял его ученик Джавахарлал Неру. Недавно Ганди и Неру, к слову, побывали в Москве, заключив ряд важных соглашений. Индия нам как политический и торговый союзник будет весьма кстати.

В 1944-м в местечке Бреттон-Вудс в штате Нью-Гэмпшир состоялась конференция, итогом которой год спустя стало появление новой системы организации денежных и торговых расчётов. На смену «золотому стандарту» пришёл конвертируемый доллар, цена золота оказалась жёстко фиксирована – 35 долларов за тройскую унцию. Представитель СССР на конференции присутствовал, но выступил против, мотивируя это тем, что Советский Союз продолжает считать универсальной валютой не доллар, а золото. Соответственно, ещё год спустя наша страна не подписала и соглашение. Однако это не помешало созданию Международного банка реконструкции и развития и чуть позже Международного валютного фонда, так что СССР поневоле пришлось участвовать в валютных операциях на долларовой основе.

Кстати, Нюрнбергский процесс произошёл и в этой реальности. Каждый получил по заслугам, включая не успевших убежать или отравиться гитлеровских руководителей Гиммлера и Бормана.

В 1947-м состоялась наша последняя с Фитиным встреча. Он сказал, что идёт на повышение – его ставят руководить министерством госбезопасности. Впрочем, он будет продолжать курировать моё направление, а главой американской резидентуры станет Иван Александрович Серов¹. Фамилия показалась мне знакомой, но как я память ни напрягал, ничего конкретного по этому Серову вспомнить не смог. Жаль, Фитин мне нравился, никогда не давил, и вообще профессионал, каких ещё поискать. Надеюсь, с Серовым мы тоже сработаемся.

С новым куратором в течение последующих нескольких лет я встретился всего один раз. Он передал, что, учитывая мой нынешний статус, я перехожу в разряд «спящих» агентов. Как, соответственно, и моя супруга. Хорошо не в разряд «мёртвых», а то устранили бы на всякий случай: нет человека – нет проблемы. Для страны, пояснил Серов, я и так немало сделал, а проколоться на какой-нибудь мелочи будет крайне нежелательно.

Что ж, в целом меня такая позиция устраивала, хотя я продолжал по мере сил помогать своей стране, проявляя разумную инициативу. Умудряюсь как-то лавировать между заданиями, которые подбрасывают Гувер и его люди, и пропагандой СССР – это уже, как можно догадаться, моя инициатива. Заодно в моих инфомедиа всячески намекают, какие выгоды сулит сближение двух самых сильных в мире держав. Конечно, приходится вертеться, словно уж на сковородке, но тут ничего не попишешь.

А жизнь тем временем шла своим чередом. Через год, в июне 45-го, на свет появилась Софья. Я уж грешным делом думал, что мне по жизни уготовано быть отцом мальчиков, но на этот раз система дала сбой. Хороший такой сбой, качественный, так как малышка выглядела настоящим ангелочком. Мы её зарегистрировали как София Бёрд. Жаль, не Сорокина, лучше звучало бы.

Конечно, следил я и за тем, как растёт мой сын от мимолётной связи с Кэрол Ломбард. В 1946-м Люк пошёл в начальную школу, всё ещё будучи уверен, что Кларк Гейбл его настоящий отец. В их семье правду знала только Кэрол, и мне не хотелось вторгаться со своими откровениями, разрушая их уютный мир. Тем более и доказательств у меня не было, а закатывать скандал, не имея на руках козырей, – занятие бесперспективное. Не буду же я кричать: «А глаза! Посмотрите, у парня мои глаза! И подбородок такой же!» Приходилось ограничиваться подарками ко дню рождения, уж не знаю, как Кэрол объясняла и сыну, и мужу, от кого прибыл очередной презент.

Между тем моя медиаимперия раскинула свои щупальца на весь североамериканский континент. Это касалось не только радио и ТВ, но и печатных СМИ. Тысячу раз был прав основатель династии Ротшильдов, выведший формулу: «Кто владеет информацией – тот владеет миром». И я старался поэтапно воплощать свои далекоидущие планы в жизнь. Помимо уже

¹ Серов И. А. – один из организаторов партизанского движения в годы войны. В реальной истории являлся первым председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР в 1954–1958 гг.

имевшейся местной газеты я купил базирующуюся в Сан-Франциско «Русскую жизнь» и, самое главное, приобрёл контрольный пакет акций «Нью-Йорк Пост». Их конкурентов из «Нью-Йорк Таймс» я не потянул, хотя приценивался и так и этак. Но и «Пост» оказались неплохим приобретением, издание пользовалось достаточной популярностью на восточном побережье. Причём в редакции газеты я появился лишь однажды, на первой планёрке, когда представил коллективу самого себя. Правда, та планёрка длилась почти два часа, в течение которых я заодно озвучил свои пожелания по контентному наполнению издания, привнеся кое-какие наработки из СМИ будущего. Не особо революционные, но которые могут ещё более поднять тираж. Что в итоге в общем-то и случилось, через полгода мы всерьёз подообрались к показателям «Таймс», а спустя год газету можно было приобрести уже в любом уголке не только США, включая Аляску, но и Канады.

Отель и казино по-прежнему не простаивали, но уже не считались основным источником моих доходов. Я вообще решил к началу 50-х построить ещё один комплекс, по моим прикидкам, к тому времени моё благосостояние позволит затеять подобный проект.

Пока же для начала я приобрёл солидный участок земли выше по улице, где стоял мой отель. Земля в Вегасе порядком подорожала по сравнению с тем днём, когда моя нога первый раз ступила на территорию тогда ещё захолустного городка штата Невада. Но в мэрии у меня давно всё было схвачено, и мне они продали землю не намного дороже, нежели в 1940-м. Надеюсь, налоговая и прочие не начнут копать, почему так вышло, официально же тот участок на карте муниципалитета обозначили как непригодный для застройки ввиду подвижности пластов из-за грунтовых вод. Которым, если подумать, в этих краях неоткуда было взяться по причине засушливости климата – вся вода в город поступала благодаря «Дамбе Гувера». А спустя год после покупки участка специалисты вдруг выяснили, что вся грунтовая вода чудесным образом испарилась, и земля теперь уже вполне пригодна для возведения хоть дворца. Нехорошо, конечно, обманывать государство, но кто, как не я, создал из этого куса пустыни оазис игорного бизнеса?! Так что имею право на свои небольшие преференции.

Я тут, между прочим, ещё и писателем заделался. Правда, в итоге пришлось ограничиться парой книг и потрёпанными нервами. После выхода «Экспансии» журналисты устроили настоящую охоту на её таинственного автора, но успеха не добились. Моё инкогнито было выгодно и редактору издательства Harper amp; Brothers, потому что подогревало интерес к роману и заставляло раз за разом увеличивать тираж переиздания. Даже в Германии, на территории которой уже шла война, умудрились выпустить «Экспансию» на немецком языке. Мало того, экземпляр книги обнаружили в бункере Гитлера, причём с пометками на полях, сделанными рукой самого фюрера. Однако книга тут же исчезла, наверняка осев в какой-нибудь частной коллекции.

Грэг Малкович несколько раз обращался ко мне по поводу того, не готов ли я им предложить ещё что-нибудь. А я не раз и не два думал над тем, стоит ли браться за «Код да Винчи»? В общем-то книгу Дэна Брауна я перечитывал трижды, сюжет помнил если не досконально, то вполне сносно, и по долгом размышлении, загодя не ставя в известность Малковича, взялся понемногу кропать рукопись.

Естественно, действие было перенесено в настоящее время, якобы послевоенное, так что сотовые телефоны, компьютеры и прочие приметы будущего пошли лесом. Закрывшись в кабинете, чтобы ни жена, ни дочь не отвлекали, я по два часа в день работал над рукописью. Несколько раз переписывал некоторые куски текста, по какой-либо причине мне не нравившиеся, несколько раз хотел всё бросить к чёртовой матери. В итоге книга выжала из меня все соки, но окончательный вариант меня всё же не совсем устраивал, и я, минуя машинистку, отправил рукопись Малковичу с просьбой напрямч литредактора, дабы тот облёк мой конспирологический полуфабрикат в нормальное литературное произведение. Оплатить дополнительную

работу я обещал сам, что и сделал, а после выхода книги сразу стотысячным тиражом под авторством всё того же Джима Моррисона я всё равно оказался в приличном плюсе.

А вот святые отцы, не успел роман «Код да Винчи» выйти в свет, сразу же потребовали изъять весь тираж, так как книга, по мнению обитателей Ватикана, подрывает устои не только христианской церкви, но и других религиозных конфессий. Это они, конечно, замахнулись на все конфессии, все убийства в моей книге на счету «Опус деи» – организации, почти двадцать лет реально существующей на момент выхода романа в свет. Да я ещё масонов приплёл, изначально тамплиеров. Помимо прочего добавил от себя полудетективную историю с выявлением тринадцатого апостола, то бишь Савла Тарсянина, впоследствии принявшего имя Павел. Якобы в его саркофаге, находящемся под алтарём римского храма Сан-Паоло-фуори-ле-Мура, хранился свиток, проливающий свет на настоящую историю Христа и которым удалось завладеть профессору Лэнгдону. Понятно, никаких свитков в саркофаге на самом деле нет, что и подтвердила экскурсовод, когда мне довелось побывать в базилике спустя три года после вскрытия саркофага учёными. Но сейчас этого никто не знает, поэтому я писал, не ограничивая свою фантазию никакими рамками.

Гораздо интереснее, как мне кажется, получилась моя придумка с зашифрованным в книге посланием, оставленным мной для читателей помимо того, что оставил по сюжету Соньер разгадывать Лэнгдону. Это послание было столь глубоко зашифровано, что ни редактор издательства, ни цензура никакого подвоха не заметили. Однако нашёлся дотошный умник, который всё же добрался до разгадки, а то я уже подумывал, как обнародовать эту информацию, чтобы самому при этом остаться в стороне. Молодой математик из Висконсина сам побежал в редакцию местной газеты, потрясая исцёрканным карандашом листом бумаги. А послание это гласило ни много ни мало, что вся властная и экономическая верхушка Британии и США повязана участием в мировом заговоре, по сравнению с которым масоны со своими театральными сборищами – просто детский сад. Публикацию приняли перепечатывать другие издания, подключились радио и телевидение, и, естественно, мои тоже. В итоге шумиха охватила чуть ли не весь мир. Отдельно стоит отметить, что Ротшильды с Рокфеллерами в этом контексте тоже мелькали, как и якобы контролируемая ими ФРС. Неудивительно, что их представителям тут же пришлось оправдываться, заявляя, что все налёты в адрес семейств – гнусная ложь.

Как бы там ни было, к тому времени уже увидел свет второй, полумиллионный тираж издания, не считая проданных прав на переводы за границей.

Однажды вечером Малкович позвонил мне в Вегас и чуть ли не плачущим голосом сообщил, что не ожидал от меня такой подставы и что буквально час назад к нему приходили люди из ФБР.

– Откуда вы звоните?

– Из бара напротив издательства.

– Правильно, ваш телефон может стоять на прослушке. Так что им было нужно? – спросил я, уже заранее зная ответ.

– Как что?! Они хотели узнать, кто настоящий автор этой книги! Я сослался на обещание не разглашать имени писателя. Тогда мне пригрозили жёсткими санкциями, вплоть до закрытия издательства. Дали неделю на размышление.

– Неделю? Хм, что ж, попробуем за это время что-то придумать. Вы пока держите язык за зубами. И ваши люди пусть молчат. А бухгалтерские документы, где фигурирует моё настоящее имя, уничтожьте.

Так, думал я, Малкович рано или поздно расколется. Что же предпринять?... И тут мне очень кстати на глаза попала заметка в разделе «Криминальная хроника», где сообщалось, что в съёмной нью-йоркской квартире был найден мёртвым малоизвестный писатель Алекс Гринуэй. Судмедэксперт дал предварительное заключение, что смерть наступила в результате

передозировки наркотиков. Как сообщалось, у Гринуэя из всей родни имелась только воспитывавшаяся в приюте племянница, которую он не видел три последних года, ведя исключительно замкнутый образ жизни. На что он жил и приобретал наркотики, установить пока не удалось.

В этот момент меня и озарило. А что, если автором моих книг представить несчастного наркомана? Сам он уже ничего не оспорит и не ответит на вопрос, на что тратил гонорары.

Я предпринял кипучую деятельность, первым делом разузнав подробности жизни бедолаги. Оказалось, действительно жил уединённо, употреблял морфий, который приобретал в больнице через знакомую санитарку. Когда-то у него вышла одна детективная книжонка, не имевшая успеха, после этого издательства его рукописи уже не принимали. Он пытался вести в газете криминальную колонку, но после очередного морфийного загула окончательно испортил себе репутацию.

Я позвонил Малковичу и предложил встретиться в уединённом месте, и захватил чистые бланки бухгалтерской отчётности. Сначала я разъяснил Малковичу, что Джим Моррисон – не кто иной, как Алекс Гринуэй, и тут же расписался на бланках почерком покойного. Как он подписывался, я, само собой, заранее выяснил. Для этого пришлось нанять человека с полукриминальным прошлым, бравшего за свою работу немалые деньги. Но он оказался настоящим профессионалом. Проник в комнату писателя и раздобыл мне несколько квитанций с автографом Гринуэя, а также рукописные листы с образцами его почерка.

Я не упоминал, что умею подделывать чужой почерк и автографы? Да, имеется у меня такой талант, которому наконец-то нашлось применение. Потренировавшись, я исписал с десяток листов, представив их черновиками романа «Код да Винчи», благо пишущей машинки в доме наркомана не имелось. Эти листы тем же профи были подброшены в квартиру усопшего и найдены там спустя несколько дней одним пронырливым писакой из «Нью-Йорк Таймс». Перед тем, как проникнуть в опечатанное жилище (куда мой человек как-то пробирался), репортёр получил анонимное сообщение, что в квартире Гринуэя может храниться рукопись романа. Естественно, он свой шанс прославиться не упустил, хотя и получил от копов на пряники. Надеюсь, графологи в Бюро не слишком придирчивы, иначе при всём моём старании смогут обнаружить отличия, сравнив почерк настоящего Гринуэя и мою подделку.

Ну а подписи были проставлены на бланках, которые я сейчас протягивал Малковичу.

– Ваш бухгалтер может вписать нужную сумму. Тут бланков с запасом, так что имеете право на ошибку.

Малкович заметил, что легенда шита белыми нитками, на что я возразил: мол, лучше такая, чем вообще ничего. Потому что ФБР из него душу вытрясет, и он им меня сдаст, а мне не очень хочется оказаться в центре этого скандала. И повторил просьбу всех причастных держать язык за зубами. Это же ранее я ещё раз сказал машинистке, печатавшей мой первый роман. Спокойно так сказал, мило улыбаясь, отчего девушка вдруг побледнела и часто-часто закивала.

История с неудавшимся писакой, на удивление, прокатила, хотя гонорар за второе издание был переведён на пока ещё замороженный в силу её юного возраста счёт племянницы «автора». Я не сильно горевал, мне и так неплохо перепало, а оставшейся без родителей девочке, надеюсь, столь внушительная сумма поможет встать на ноги.

Тем временем эпопея с мнимым автором книги просочилась в прессу, и издательства принялись публиковать прежде отвергнутые рукописи Гринуэя. Прочитал я одну такую книжонку – и впрямь слабоват сюжет. При этом журналисты задавались вопросом, почему, имея такие гонорары после двух удачных книг, Алекс Гринуэй вёл такое нищенское существование? В итоге пришли к выводу, что все деньги уходили на морфий, хотя, на мой взгляд, имея сотни тысяч долларов, можно обеспечить морфием десяток больниц.

В общем, скандал после выхода книги поднялся невиданный, а под банковскими системами Рокфеллеров и Ротшильдов начала проседать почва. На их фоне резко подскочили акции

Bank of America и начали раздаваться голоса, что книга была проплачена семейством Джаннини, дабы насолить конкурентам. Президент Bank of America Лоренс Джаннини заявил, что подаст в суд на клеветников, однако это нисколько не снизило количество нападок. Тем более акции его банка росли с каждым днём. М-да, кабы я знал, что итальяшки окажутся в таком выигрыше, может, и подкатил бы к ним с предложением принять посильное участие в проекте, естественно, спонсируя автора. Пусть и вполне самостоятельного в финансовом плане, но, как известно, денег много не бывает.

Что ещё... Ах да, Абрам Моисеевич отдал богу душу. Жаль старика, он мне нравился, помог на первых порах освоиться в Нью-Йорке. Теперь его антикварным магазинчиком заправляла та самая, приехавшая из Европы, родня. Надеюсь, они не пустят наследие Лейбовица по ветру, пока, во всяком случае, насколько я знал, лавка принимала посетителей.

Ко всему прочему можно отметить, что Филумена встретила своего единственного. Им оказался владелец компании по торговле мясом, решивший прокутить немного денег в моём казино. Вдовец сорока трёх лет заглянул в пиццерию и был моментально наповал сражён красотой грудастой итальянки. К счастью, Филумена успела подготовить подмастерьев, так что наше с ней любовное расставание получилось не критичным.

А у меня между делом возникла идея сунуть нос в кинобизнес. Не как раньше, в качестве сценариста, режиссёра или даже актёра, а как владельца собственной кинокомпании. Причём и название я для неё моментально придумал – Barbara Films.

От идеи создания киностудии до её открытия прошло всего полтора года, а в её реализацию были вложены масса сил и денег. Наша с Варей свадьба проходила как раз на фоне этого события.

Заглянувший как-то на строительный объект Уорнер искренне удивился:

– Фил, зачем вам это надо? Рынок киноиндустрии уже давно поделён, вы прогорите. Послушайте мой совет – прекращайте это дело, так вы сохраните хотя бы часть денег.

Но я был свято уверен, что уж с моими-то организаторскими талантами киностудия начнёт приносить прибыль уже с первым отснятым фильмом. А ещё можно и телесериалы шлёпать. Актёров в Лас-Вегас всё ещё трудно заманить, а здесь, «по месту жительства», процесс пойдёт куда веселее.

Практически у всех звёзд имелись контракты с той или иной киностудией, а первый мой фильм должен привлекать внимание уже одними именами, не говоря уж о блестящем – в чём я был уверен – сюжете.

Между делом у меня лежали в столе три сценария под названиями «Тутси», «Молчание ягнят» в двух частях и также в двух частях «Спаси рядового Райана». Такой вот я выбор сделал для начала, постаравшись выдать три разных по жанру бестселлера.

Первые два фильма, само собой, учитывали поправку на время действия. Однако тот факт, что главный герой в образе актрисы пробует на роль в телесериале, был сохранён. Как-никак телевидение не без моей помощи успело завладеть умами не только среднего класса Северной Америки. Телеприёмники, которые мы выпускали, были рассчитаны на самую разную аудиторию, а самый дешёвый (что не значит «самый плохой») за пятьдесят долларов могла позволить себе практически каждая семья. Соответственно, и телесериалы, особенно на двух из трёх моих каналов, приобрели невиданную популярность. Значит, сюжет, когда актёр пытается получить роль в телесериале под видом актрисы, не такой уж и опередивший своё время. Хотя опять же, повторюсь, пришлось делать некоторые поправки на то, что фильм снимается на тридцать с лишним лет раньше оригинала. Плюс сам сюжет я помнил отнюдь не досконально, поэтому местами позволил себе кое-какие вольности. Например, я не помнил, как назывался сериал, в который пробился герой Дастина Хоффмана, что-то о госпитале. Не помнил имени героя и его женского альтер-эго, конечно же, не помнил имени и медсестры, в которую влюбляется главный герой... Так что пришлось такие нюансы выдумать самому. Сериал назвал «Гос-

питаль Сент-Джеймс», героя – Винсом Фонтекой, перевоплотившимся в Саманту Фокс. Такая вот шутка автора. А медсестра получила имя Кэтрин Хоффман. Тоже шутка, которую могли бы оценить наши потомки... Главное, как мне казалось, должно получиться не менее смешно, чем в оригинальной версии.

Режиссёром я пригласил уже дважды оscarоносного и неплохо себя ценящего Уильяма Уайлера. На роль главного героя он выбрал Генри Фонду, чей контракт со студией 20th Century Fox уже истёк. Генри решил посвятить себя театру, но мы на пару с режиссёром сумели уговорить его вернуться в Голливуд хотя бы на один фильм. Он сначала сомневался, что сможет сыграть женщину, но эти сомнения были развеяны после первых же кинопроб. Не понадобилось даже приглашать травести-актёра из Нью-Йорка, как хотел было Уайлер, чтобы тот помог Фонде вжиться в роль.

На роль медсестры Уайлер мечтал пригласить саму Вивьен Ли, но та, прочитав сценарий, почему-то отвергла его предложение. Видно, жанр картины посчитала несерьёзным. Тогда я посоветовал обратить внимание на Лану Тёрнер, в прошлом году выскочившую за миллионера Генри Топпинга. Она с удовольствием согласилась принять участие в картине. Так что пазлы понемногу складывались.

Что касается «Молчания ягнят», то здесь на роль Ганнибала Лектера я планировал подтянуть не кого-нибудь, а оscarоносного Хамфри Богарта, выкупить которого на один фильм у студии Warner Bros. обошлось бы в 100 тысяч. На дружбу, если наши отношения с Джеком Уорнером можно было обозначить этим словом, я не особо рассчитывал, прекрасно понимая, что «это бизнес, парень, ничего личного».

На Энтони Хопкинса мой протекже походил мало, но обладал такой харизмой и так умел перевоплощаться, что я ни секунды не сомневался в своём выборе, в чём убедился уже на первых же кинопробах.

Однако Богарт меня тут же удивил. Прочитав сценарий, он без обиняков заявил, что в роли Кларисы Старлинг видит исключительно свою молодую супругу Лорен Бэколл, за плечами которой к тому моменту было всего три киноработы. Я тоже хотел было встать в позу, но, подумав, сообразил, что факт съёмки в одной картине суперзвезды и его молодой жены может сыграть положительную роль. Тем более они играют не возлюбленных, а двух антиподов – маньяка и агента ФБР, хотя и заключивших что-то вроде временного союза.

Тут, впрочем, имелся один момент, на который мне указал режиссёр фильма, одноглазый Фриц Ланг, которому я первому показал сценарий. Оказывается, в это время женщины в силовых структурах встречались разве что в качестве секретарш и бухгалтеров, но никак не детективов. М-да, логично, как я вообще такой факт упустил из виду... Называется – заработался. Но я на это заявил:

– Так мы создадим прецедент, может, это подтолкнёт общество к равноправию полов.

Хотя в душе я всё же оставался половым шовинистом, к своему стыду считая, что прав был Адольф, когда говорил о социальной роли женщины: «Kinder, Küche, Kirche».

Через Стетсона попросил передать Гуверу, что хорошо бы ФБР выделило для картины консультанта. Типа – и ведомству лишняя реклама не помешает, и мы не опростоволосимся.

Ну и, наконец, «Спасти рядового Райана»... Фильм обещал быть самым высокобюджетным из всех готовящихся проектов, учитывая обилие батальных сцен. Нормандская операция в этой реальности тоже случилась, хотя и наверняка что-то проходило по-другому. Не будучи большим специалистом по военной истории, я пообщался с недавно демобилизованным ветераном боевых действий при высадке в Нормандии, который помог мне добавить в сюжет логики и правдоподобности.

В оригинале постаревший Райан с детьми и внуками стоит у могилы своего спасителя, капитана Джона Миллера. Я долго думал, стоит ли засылать героя так далеко в будущее, в итоге

решил ограничиться десятилетним отрезком. Пусть это будет конец 50-х, а Райан придёт на могилу капитана пока лишь с детьми.

Прерогативу выбора актёров я отдал режиссёру картины Джону Форду, который с удовольствием согласился отвлечься от бесконечной череды вестернов ради столь патриотичной постановки. Правда, обошлось без звёзд, Форд решил вывести на орбиту малоизвестных, но, по его мнению, талантливых актёров. Я дал добро, в конце концов, фамилия режиссёра уже сама по себе должна привлечь критиков и зрителей.

Все эти проекты должны были стартовать один за другим практически сразу после открытия киностудии, которое с некоторой долей помпезности было запланировано на завтра в полдень. И сейчас я грустно пялился на эту вывеску из двенадцати латинских букв, одна из которых – а именно буква f – висела чуть косо.

– Саймон, – повернулся я к своему «вечному» помощнику, – только я вижу, что одна буква висит криво?

– Нет, мистер Бёрд, я тоже это вижу. Сейчас мы этот вопрос решим... Эй, кто у вас крепил буквы? Ты? Крепил-то по-трезовому? А то вон буква f словно винных паров надышалась. У тебя пять... ладно, десять минут, чтобы привести всё в порядок.

Когда надо, Стетсон умеет быть жёстким. А размазну я на такую должность и не принял бы. И пусть он работает на Гувера, регулярно «постукивая» на меня, но дело своё знает, а это качество я привык ценить в людях.

На торжественное открытие киностудии приглашены несколько знаменитых актёров и актрис, включая тех, кто готовится сниматься в моих фильмах, пара продюсеров, пресса, и я лично должен проверить готовность моего нового детища к приёму столь важных гостей, каждый закоулочек, руководствуясь правилом «доверяй, но проверяй». И недаром, раз уже с вывески начинаются неполадки. Надеюсь, буквы к завтрашнему дню будут прикручены надёжно, и какая-нибудь из них не спланирует на головы нашим гостям. Каждая высотой в метр и весит, наверное, килограммов пятнадцать-двадцать, такая и пришибить может.

Киностудия занимала три огромных, разделённых на десятки секций ангара плюс двухэтажное административное здание. Учитывая, что Стетсону и так хватает работы, директором я назначил некоего Раймонда Дж. Куливана. Человек к своим пятидесяти пяти годам имел многолетний опыт работы на Голливудских холмах, пройдя путь от помощника осветителя до главного администратора киностудии Paramount Pictures, откуда уволился после того, как повздорил с Адольфом Цукером. Естественно, по моей просьбе ещё до моего разговора с Куливаном мне доложили, в чём была причина размолвки. Оказалось, обладающий жёстким характером Цукер был недоволен критикой в свой адрес, причём критикой по делу, за то, что запуск в производство явно провальный проект. В итоге фильм и провалился в прокате, но к тому времени Куливан уже пребывал на вольных хлебах, с которых я его и подобрал.

Несчастную букву всё-таки прикрутили прямо на наших глазах, после чего я в сопровождении Стетсона потратил больше двух часов на осмотр территории и съёмочных павильонов. М-да, тут на одни только кинокамеры столько денег ушло... Лучше не вспоминать. Дороже всего обошлась земля, она здесь буквально на вес золота. Потратился, считай, под «ноль», но всё же сумел избежать займов и возможных долговых ям. Если дело не пойдёт, киностудию или имущество частями можно продать с молотка. Но по миру мы с Верой и маленькой Софией не пойдём – нас кормили другие проекты: отель с казино, фабрика теле- и радиотехнических изделий, телерадиокомпания, газеты... Не считая моих писательских потуг, прибыли от игршек и исполняемых Армстронгом песен, доли в компании Gibson... Может, и забыл что-то, вспоминаю, только когда мне главбухи предприятий (постаревший, но всё ещё убегающий от деменции Самсон Израилевич тащил на себе основной груз в лице Bird Inc) предоставляют ежемесячные отчёты о доходах. За всем реально не уследишь, даже Стетсон при его талантах не в состоянии всё контролировать, а люди, через чьи руки текли финансовые ручейки и реки,

боялись разве что аудиторских проверок. Единственный, в ком я был стопроцентно уверен, – это Лившиц. Надеюсь, если кто-то и ворует мои деньги, то края он всё-таки видит. Иначе – рано или поздно тайное становится явным, а мстя моя будет жестокой.

Глава 2

На рассвете следующего дня, 21 февраля 1949 года, я проснулся от ощущения, что по мне кто-то ползает. Ну, так и есть, это Софа вскочила ни свет ни заря и решила забраться в постельку к маме с папой. В Casa del Mar мы сняли номер люкс с видом на океан, с гостиной и двумя спальнями. Одну из спален заняли мы с Варей, во второй, поменьше, по-хозяйски со своими взятыми в поездку Кеном и Барби разместилась дочка.

– Папа, пливает! – во все свои молочные зубы улыбнулась дочь.

В семье мы разговаривали исключительно на русском, а в обществе, сплошь состоящем из англоязычных, естественно, на языке Шекспира, хотя, думаю, великий драматург вряд ли с ходу понял бы, что говорят американцы, настолько в этой стране искажён язык предков. При этом Соньке, наверное, в силу юного возраста, такие переходы давались легко, как само собой разумеющееся.

– Тихо, не разбуди маму, – прошептал я. – Ты чего так рано вскочила? Время-то ещё – начало седьмого.

– А я уже выпалась! – тоже переходя на шёпот, ответила егоза. – Папа, а мама сделает сегодня блины?

– Мы же не дома, какие блины... О, а вот и мама, кажется, проснулась.

Варюха, улыбаясь, сначала сладко потянулась, потом открыла глаза и сразу притянула к себе Соньку, принявшись её щекотать. Глядя на это, я тоже не удержался и присоединился к «пыткам», а Соня заливалась смехом, поднимая нам настроение.

Не раз и не два меня так и подмывало признаться Варе, кто я и откуда на самом деле, но я не мог этого сделать. Не потому, что когда-то Берия взял с меня расписку хранить молчание, просто я боялся, что моё признание может что-то разрушить в наших отношениях. Кто знает, как Варя отреагирует, а меня пока всё в нашей жизни устраивало.

Так бы и занимались ничегонеделанием, но пришлось готовиться к сегодняшнему открытию. А это значит, что к девяти часам должен подойти парикмахер-стилист, какой-то там Франческо, чтобы привести мою супругу в порядок. В нашем отеле тоже, между прочим, полный комплекс парикмахерских услуг, как для женщин, так и для мужчин. Сам туда захожу, естественно, в мужской зал. Вроде все клиенты и клиентки довольны. Кстати, жене не нравится, что я взял моду стричься коротко. А мне в самый раз, в нашем климате, особенно с весны по осень, чем меньше волос – тем меньше потеет голова.

– Соня, почему Барби и Кен под кроватью? Тебе приятно было бы, если бы тебя засунули под кровать? Ну-ка доставай их оттуда немедленно!

Это Варя уже в соседней спальне командует. Комсорг в ней так и живёт, изредка прорываясь наружу. Когда нужно, умеет быть жёсткой. С другим характером в немецком тылу она бы столько не продержалась. Так что Соньке ничего другого не остаётся, как лезть под кровать. Её причёской, к слову, Франческо тоже займётся, так что работы ему на пару часов хватит. Мои женщины должны быть сегодня самыми красивыми.

Ровно в одиннадцать выдвигаемся. Погода солнечная, а термометр за окном показывает девятнадцать градусов тепла. Для февраля нормально.

Я за рулём купленного в прошлом году «кадиллака» 62-й серии с открытым верхом. До Вегаса меньше четырёхсот километров по прямой, почему бы и не прокатиться? «Корд» служил мне верой и правдой не один год, но время берёт своё, да и не один я теперь, а для семейных поездок такой лимузин больше подходит. Нравятся мне машины этого времени своими плавными обводами, нравятся своей натуральностью. Никакого тебе пластика и прочей хрени из будущего. Металл, кожа, дерево и мощный двигатель – что ещё нужно для счастья настоящему автолюбителю?

Стетсон вон всё советует личным водителем-телохранителем обзавестись, но я пока ещё, слава богу, и сам в состоянии крутить баранку и метко стрелять, хотя в следующем году отмечая полувековой юбилей. Теперь оружие у меня всегда с собой на законных основаниях, нравится мне чувствовать под рукой полновесный «Колт М1911».

У ворот студии, над которыми вроде бы теперь ровно висит надпись Barbara Films, нас встречают суета и Стетсон, который тут за распорядителя. Шустрый малый, за столько лет я ещё ни разу не пожалел, что у меня такой помощник. Потому и на жалованье ему не скуплюсь. Правда, он почти все деньги отправляет своим пожилым родителям в Спрингфилд.

Название городка, кстати, сразу напомнило мне знаменитый мультсериал будущего «Симпсоны», семейка которых родом как раз из какого-то Спрингфилда. Интересно, дорого стоит создать свою анимационную компанию?

– Всё готово к открытию, мистер Бёрд, – отпартовал Саймон. – Гости уже собираются.

Что собираются, это я и так видел. Виктор Аскольдович с Науменко, правда, не смогли приехать, они сейчас на Аляске, решили создать золотодобывающую компанию, а это дело не одного дня без отрыва от производства, так сказать. Кстати, золотом они увлеклись с моей подсказки. Но поздравительную открытку я от них получил.

Подъезжают другие приглашённые. В частности мэр Лос-Анджелеса Флетчер Боурон и губернатор штата Калифорния Элл Уорен, уже мило о чём-то беседующие. Нужно подойти поприветствовать, справиться, как дела... Шампанское пока не предлагаем, всё это, включая бутерброды с икрой и прочие деликатесы, будет после того, как мы с президентом Гильдии киноактёров перережем алую ленточку.

А вот и он, Рональд Рейган. Да-да, именно Ронни, будущий президент США, в это время возглавляет актёрскую гильдию. Не знаю уж, как в этой реальности всё сложится с его президентством, но с делами гильдии вроде справляется неплохо. Пусть на этой должности и остаётся. Если попробует сунуться в политику, нужно его сразу прищучить, чтобы не успел натворить дел.

Звёзды кино тоже подъезжают, паркуются на автостоянке, способной вместить аж до сотни автомобилей. Среди них и те, чьи имена уже увековечены на Аллее славы Голливуда. Создали её с моей подачи, и, возможно, за это в том числе моя фамилия тоже теперь красовалась в одной из звёзд. Хотя официально причиной тому всё же была совокупность оscarоносного проекта о бандах Нью-Йорка и мои работы в других, получивших заветные статуэтки фильмах как сценариста.

К кому-то подхожу, приветствую, кто-то, напротив, сам спешит навстречу. Чем-то напоминающий Лео ди Каприо актёр Орсон Уэллс, оscarоносный Джеймс Стюарт в кителе военного лётчика, Энн Миллер, Джудит Баррет, ещё несколько узнаваемых лиц из первой сотни... Конечно же, и завербованные мной актёры здесь: Хамфри Богарт с Лорен Бэколл, наша «тутси» Генри Фонда, Кларк Гейбл под ручку с упорно отводящей взгляд в сторону Кэрол. Режиссёры моих фильмов стоят в сторонке, что-то живо обсуждают в облаке табачного дыма, у них явно беседы на профессиональные темы.

Многие явились со своими половинками. Мужчины преимущественно в дорогих костюмах, дамы... Ну, здесь у кого на что хватило фантазии и денег. Моя Варя-Барбара тоже выглядит на миллион. В буквальном смысле, если посчитать, во сколько обошлись пошитое на заказ платье и драгоценности. Причём пара колечек, кольцо и серьги, инкрустированные бриллиантами, не напрокат взяты, а подарены любимой мной лично. Комплект кольцо-серьги, кстати, на прошлый день рождения. А одно из колечек – то самое, ставшее моим первым серьёзным подарком Варе, когда она ещё работала официанткой.

В общем, привыкает Варенька понемногу к светской жизни, хотя богемных тусовок всё же старается избегать, присутствуя на них лишь по необходимости, когда мне бывает неприлично появиться в обществе без супруги. Да и в Вегасе не сказать что много поводов для таких

сборищ, хотя городок и растёт не по дням, а по часам. Это здесь, в Лос-Анджелесе, или в Нью-Йорке, куда я несколько раз вывозил Варю, кипит жизнь.

Соня, наряженная в розовое платьишко, в сторонке ковыряет носком туфельки травку. Скучно ей здесь без сверстников, с взрослыми дядями и тётями. А вот в Лас-Вегасе у неё имеется подружка, пятилетняя Кармела, дочка выходцев из Мексики, чей отец держит автомастерскую неподалёку от нашего особняка. Кармела – девочка шустрая, но воспитанная, и Сонька ей периодически что-то дарит из своих игрушек. Мы им оборудовали в дальнем углу двора детский домик, где они могут сидеть часами, обсуждая свои девчачьи дела.

Естественно, присутствует пресса: журналы, газеты, телевидение и радио, в том числе и мои СМИ. Репортёры не устают щёлкать затворами фотоаппаратов, используя вспышку даже в солнечную погоду, дамы с радостью позируют, их спутники криво ухмыляются. Моя Варя в центре внимания. Даже немного ревную, когда актёры, режиссёры и прочие представители сильного пола выражают моей супруге восхищение.

– Леди и джентльмены! – звучит усиленный динамиками голос. – Минуточку внимания! Прошу вас всех подойти поближе. Через минуту начнётся торжественная церемония открытия киностудии Barbara Films.

Это Фрэнк Синатра, он сегодня ведущий церемонии, а заодно выступит с вокальным номером. Ещё пару-тройку песен исполнит старина Армстронг со своим оркестром. Более чем уверен, что прозвучат вещи, которые я ему когда-то презентовал.

Далее всё происходит согласно сценарию. Мы с Рейганом под прицелом фото- и кинокамер перерезаем атласную ленточку, раздаются хлопки петард, в небе вспухают цветы фейерверков. После захода солнца это, конечно, смотрелось бы красочнее, но у губернатора штата на шесть вечера запланирована серьёзная встреча, после которой он сразу улетает в Вашингтон на заседание конгресса. Так что пришлось всем подстраиваться под график мистера Уоррена.

Затем вся толпа проходит на площадку перед административным корпусом, на крыше которого развевается звёздно-полосатый флаг (надо же подчеркнуть лишний раз свою лояльность), а чуть ниже – две большие буквы BF. Ночью они подсвечиваются иллюминацией, сейчас же сияют своей белизной. На площадке установлена небольшая сцена, перед ней – столики, на которые выставлены напитки и закуска. Сегодня не сидим, двигаемся, а официанты бдительно следят, чтобы еды и напитков хватало с избытком.

Мэр и губернатор взбираются на сцену, по очереди произносят в микрофон заранее заготовленную речь, желают, в общем, большому кораблю большое плавание. Потом Синатра поёт что-то жизнеутверждающее и уступает сцену Армстронгу, а сам спускается к нам.

– Примите мои поздравления, мистер Бёрд, уверен, вашу кинокомпанию ожидает успешное будущее.

– Спасибо, Фрэнки, – обращаюсь я к Синатре более фамильярно. – Знаю, для тебя сейчас настали не лучшие времена и... давай-ка мы под тебя снимем музыкальный фильм в цвете, сыграешь главную роль.

Конечно, Фрэнки не против, а я уже думаю, самому сесть писать сценарий или нанять кого-то из больших профи. Особо в голову ничего пока не приходит, только крутится фильм «Кабаре» и кадр с поющей одноимённую песню Лайзой Минелли. Надо будет потом в тишине обдумать этот вопрос.

Для гостей проводится экскурсия, все практически в теме кинематографа, поэтому с интересом осматривают и павильоны, и технику. Через два часа самые занятые начали откланиваться. К этому времени мы с Варей уже устали всем улыбаться, но деваться некуда, это своего рода кодекс поведения на подобного рода мероприятиях. Уже сейчас для американцев улыбка много значит, пусть даже и дежурная, которая демонстрирует, что ты не собираешься никого грузить своими проблемами, типа у тебя всё ОК. Тяжелее всего приходится дочери, уже объевшейся пирожных и мороженого и теперь с сонным видом сидевшей на скамеечке.

И вот здесь всем присутствующим пришлось невольно взбодриться, потому что нашу тусовку своим появлением оживил не кто иной, как Мейер Лански. Как мой партнёр в кое-каких начинаниях, он тоже получил приглашение на открытие киностудии, пообещал прибыть, но честно предупредил, что может задержаться. Все прекрасно знали, что Лански тесно связан с мафией, неудивительно, что на многих лицах я прочитал удивление, смешанное с тревогой. Мол, этот Бёрд с ума сошёл, приглашать на такое мероприятие человека с подобной репутацией! Но мне плевать, что обо мне подумают, Лански как делового партнёра да и по многим человеческим качествам я уважал больше, чем любого из присутствующих здесь, и мы с ним душевно обнялись, приветствуя друг друга.

– Фил, наша организация не будет влезать в дела твоей киностудии, но об этом никому ни слова, – успел шепнуть он мне на ухо, прежде чем нас окружили вездесущие репортёры.

На «ты» – хотя в английском панибратское обращение не отличается от вежливого – мы с ним перешли ещё несколько лет назад, решив, что так нам с ним общаться будет комфортнее. Знали мы друг друга достаточно долго, ведём кое-какие совместные дела, так что такой переход был естественен.

И сейчас на фоне того, что коза ностра контролирует всю кинопромышленность Соединённых Штатов, имея с этого навар, мне было приятно слышать такие слова. В принципе, я готов платить отступные за спокойствие, но теперь выяснилось, что мне пошли навстречу и сделали такой вот подарок. Хотелось верить, что слово Лански кое-что значит, и в ближайшие годы, пока студия будет становиться на ноги, мафия нас не потревожит. Далеко я не загадывал, тем более, если мне не изменяет память, со временем Голливуд стряхнёт с себя этих паразитов, к коим я не без сожаления относил и Мейера, понимая, что на его месте я, возможно, избрал бы тот же путь.

Уже затемно мы, полностью вымотанные и с дремлющей на заднем сиденье лимузина Соней, наконец добрались до отеля. Душ и постель – единственное, чего нам всем сейчас хотелось. Причём постель исключительно в плане поспать, а не то, о чём некоторые сейчас подумали. Я был уверен, что впереди нас ожидает долгая и счастливая семейная жизнь, в которой найдётся немало места для интимных утех.

Варю и Софью на следующий день я отправил в Вегас самолётом. Мы ещё заранее обговорили, что, пока будут идти съёмки моих фильмов, я задержусь на студии. Мне очень хотелось, чтобы все картины «выстрелили», поэтому я собирался, не особо нервируя актёров с режиссёрами, по мере сил контролировать съёмочный процесс.

Например, ещё заранее, только подписав контракт, я посоветовал Богарту изучить досье известных убийц, побывать в тюрьмах и на процессах. В сценарии я прописал в некоторых моментах его герою не мигая смотреть прямо в камеру, хотя это шло вразрез с неписанными постулатами Голливуда. Актёры обычно не глядят в камеру, иначе это выглядит так, словно у них берут интервью. На экране должна создаваться иллюзия, что нет ни камеры, ни зрителя, что актёры играют – как живут. За редким исключением, которое как раз пригодится в «Молчании ягнят».

Кроме того, я передал через Стетсона просьбу Гуверу назначить консультанта для моего фильма. Как-никак приходилось учитывать современные реалии и не хотелось проколоться на мелочах. После этого мне позвонил лично глава ведомства и уточнил, действительно ли у меня агент ФБР – женщина. Когда я разъяснил ситуацию, Джон подумал и согласился, пообещав прислать консультантом не кого-нибудь, а своего заместителя, Клайда Толсона, ответственного за личный состав и дисциплину в ведомстве.

Старый знакомый прибыл в Лос-Анджелес в середине марта.

– Никогда ещё не был консультантом фильма, – признался он в аэропорту после обмена рукопожатиями. – Что ж, это новый вызов, к тому же мне и самому интересно, что получится в итоге.

Пришлось организовывать Клайду полный пансион в том же отеле, в котором остановился и я, плюс гонорар – три тысячи долларов за работу. К чести Толсона, сам он денег не просил, но не отказался от моего предложения. Клайд сразу проявил себя настоящим профессионалом, словно регулярно консультировал актёров и режиссёров, каждый его совет приходился в точку. Его и самого, похоже, захватил съёмочный процесс, на площадке он проводил зачастую весь световой день, возвращаясь в отель лишь переночевать.

Никакие развлечения Толсона не интересовали, тем более бары и женщины. О его более чем близких отношениях с шефом Бюро догадывался не только я, но все предпочитали молчать. Многие, кто в теме, помнили, как лет десять назад один репортёр рискнул обмолвиться в журнале *Collier* об ориентации шефа ФБР, и в Бюро тут же завели на него дело. Когда собрали компромат, то пустили в прессу такие подробности о не слишком безупречной жизни неосторожного журналиста, что далее последовал полный крах его карьеры. Остальные деятели прессы вняли предупреждению и впредь не рисковали хоть как-то зацепить эту сторону жизни Гувера Всемогущего. На это мне, в общем-то, наплевать, но то, что оба – гроза преступного мира, они неоднократно доказывали, не раз оказываясь под пулями. Тем более приятно, что второй человек Бюро согласился стать консультантом нашей картины. Несмотря на тот давний наезд Гувера и Толсона, когда они инкогнито проникли в мой номер, я зла на помощника директора ФБР не держал. Каждый делает свою работу, тем более нам удалось в итоге решить дело миром. А вскоре после приезда Толсона произошёл случай, ещё более расположивший его ко мне.

В тот день съёмки закончились около девяти вечера. Была отснята сцена очередного визита агента Старлинг к Ганнибалу Лектеру, где актёрам пришлось выложиться по полной. После команды режиссёра «Стоп!» Богарт под улыбки уставших членов съёмочной группы сказал своей супруге:

– Лорен, сегодня вечером, надеюсь, у нас всё пройдёт более демократично.

Все расходились с чувством выполненного долга, и я, само собой, предложил Толсону подбросить его на своём лимузине до отеля. Оставив автомобиль на стоянке, мы двинулись к холлу, как вдруг Толсон притормозил.

– Знаете что, Фил, – мы как-то легко с ним перешли на имена без всяких официозных «мистеров», – а не пропустить ли нам по стаканчику виски?

– Хм, почему бы и нет? День был тяжёлым, а завтра в съёмках перерыв, можно и расслабиться. Приглашаете в свой номер или ко мне?

– Предлагаю вон тот бар под названием «Пьяная лошадь», – кивнул Толсон в сторону горевшей через дорогу неоновой вывески.

В том баре мне бывать ещё не доводилось, но я знал, что это местечко облюбовали этнические мексиканцы. Вот и сейчас парочка, одетая в стиле *Zoot Suit*, стоит у входа в своих фетровых шляпах, широкоплечих пиджаках, зауженных книзу брюках и с неизменной, свисавшей ниже колена цепью. Героя фильма «Маска» лепили как раз с этих стилинг, называвших себя *rachucos*. Потомки выходцев из Мексики – народ горячий, заводятся с полоборота, и сам я туда в одиночку не пошёл бы. Однако не давать же задний ход перед заместителем директора ФБР!

Несколько минут спустя мы сидели за барной стойкой в помещении, под потолком которого клубился сизый дым, а в углу «Бабблер» крутил пластинку с какой-то жизнерадостной песней на испанском. Мы держали в руках по тумблеру с толстым дном, в каждом – на два пальца светло-коричневой жидкости. Из закуски – одно на двоих блюдо с подсолненными кешью.

– У нас в Бюро работает сын иммигрантов из Шотландии, который знает толк в этом напитке, – заметил Толсон, разглядывая на свет виски. – Он говорит, что шотландцы исстари

пользуются правилом пяти S². Я тоже стараюсь его придерживаться. Цвет мне уже нравится, от нагрева моих пальцев началось более активное испарение спиртов, а первый глоток не должен быть большим... – С этими словами он едва пригубил виски, погоняв его по языку. – Горьковатый, как я и думал. Пожалуй, немного воды не помешает.

Глядя, как он бодряжит свой виски, я в пару глотков влил в себя неразбавленное пойло, с удовольствием ощущая, как тепло опускается по пищеводу в желудок. С каждым годом крепла моя ностальгия по настоящей русской водке. Кристально чистой, в запотевшей бутылке, без всяких добавок и прочей хрени, разве что настоящей на каких-нибудь бруньках.

Не открыть ли спиртзаводик, учитывая, что русских в Америке проживает немало? Для начала небольшую линию запустить, назвать «Варваровка»... Нет, Варе не понравится, лучше что-нибудь нейтральное, типа «Русская» или «Пшеничная». В СССР что-то из этого, может, уже и выпускают, как бы не пришлось за авторские права биться, так что нужно уточнить. В тему вспомнился диалог профессора Преображенского и доктора Борменталья на водочную тему из фильма «Собачье сердце»...

– Я слышал, на вашей кинокомпании помимо «Молчания ягнят» ещё два фильма в работе?

– Что? – вынырнул я из заводи своих мыслей. – А, да, комедия и фильм о Второй мировой. Решили запустить сразу три картины разных жанров. Так сказать, залпом по зрителям.

– Не боитесь прогореть?

– Мы уже дали анонсы в прессу, в моих СМИ идёт активная рекламная кампания, включая телевизионные сюжеты, так что публика подготовлена и жаждет увидеть наши картины. Тем более в прошлом году Верховный суд США потребовал от Paramount после их десятилетней тяжбы с антимонопольным ведомством разделения кинопроизводственных мощностей и кинотеатров, а следом и Ховард Хьюз продал сеть кинотеатров RKO. Так что в этом плане особых препятствий тоже не предвидится.

– Хотите устроить жёсткую конкуренцию корифеям Голливуда?

– В точку! – усмехнулся я. – Не пройдёт и десяти лет, как я их всех обойду.

– Ничего себе! А вам самоуверенности не занимать.

Конечно, не занимать, достиг бы я иначе таких высот!

Живы будем – завалим мир своей кинопродукцией. С моей помощью Уорнеры вышли на новый уровень, я же собираюсь преодолеть ещё более высокую планку. Бубка мирового кинематографа!

– Есть ещё мысль пригласить из СССР на стажировку студентов Государственного института кинематографии, – добавил я.

– И вы не боитесь быть раскрытым? Ведь вы сразу попадете на карандаш НКВД, или кто там у них сейчас...

– Мне кажется, там и так уже знают, кто я такой. Слишком крупная фигура, чтобы так долго оставаться в тени.

– Хм, я всё же не рекомендовал бы вам делать столь необдуманный шаг. Во всяком случае, желательно проконсультироваться с мистером Гувером.

– Что ж, можно и проконсультироваться... А вы, Клайд, если не секрет, как попали в ФБР?

Толсон почесал ногтем мизинца бровь, словно давая себе время на размышление. Оно и понятно, с чего это он должен распинаться перед малознакомым человеком, на которого наверняка в штаб-квартире Бюро лежит пухлое досье. Впрочем, сомнения его были недолгими.

– Если честно, то ФБР я рассматривал как ступеньку к частной юридической практике, поскольку являюсь дипломированным юристом. Однако в Бюро меня приняли только со вто-

² Sight – посмотреть; \\Smell – понюхать; \\Swish – посмаковать; \\Swallow – проглотить; \\Splash – налить воды.

рой попытки, в 27-м. – Он сделал паузу, глотнул виски. Я молчал, как бы ненавязчиво предлагая продолжать. – Поработал в Бостоне и Вашингтоне в полевых условиях, был переведён на должность главного клерка ФБР, а в 30-м повышен до помощника директора.

– Неплохая карьера, – покивал я, изобразив соответствующую случаю гримасу. – Раз вы работали «в поле», наверное, доводилось и в задержаниях участвовать, подставляться под пули?

– Не без этого, – чувствовалось, что мой вопрос доставил ему удовольствие. – В 1936 году мы вместе с боссом участвовали в аресте банковского грабителя Элвина Карписа, в том же году я попал в перестрелку с гангстером Гарри Брюнетом, а в годы войны был задействован в поимке нацистских диверсантов на Лонг-Айленде и во Флориде.

– Давайте выпьем за то, чтобы вражеские пули облетали нас стороной.

Мы чокнулись тумблерами, но выпить не успели, поскольку в наше общение соизволили вторгнуться посторонние.

– Эй, голубки, хватит ворковать. Добавьте лучше хорошим парням на выпивку.

Мы с Толсоном синхронно обернулись. Тирада исходила от парня лет двадцати с небольшим, криво ухмылявшегося и вертевшего на указательном пальце кольцо с ключами от машины. Позади него стояли двое таких же *rachucos*, причём один из них был на голову выше меня и намного шире в плечах. Хотя тут можно было сделать скидку на крой пиджака, но центнер с лишком он точно весил.

– Малыш, может, не стоит тебе пить, если ты за рулём? – спросил я, мягко удерживая дёрнувшегося было встать Клайда и ставя свой стакан на стойку.

– Это ты кого сейчас назвал малышом?

Ухмылка исчезла с его физиономии, а некоторые в баре, большинство из которых были те же *rachucos*, стали оборачиваться в нашу сторону. М-да, до чего же банально... А я настолько вымотан, что совершенно нет желания махать руками. Может, просто достать «кольт» да припугнуть ребят?

Не успел. Я-то думал, что этот пацанчик сейчас начнёт по мексиканской традиции разводить всякие бла-бла-бла, а он возьми и заряди мне в челюсть. Ну, то есть это он думал, что зарядил, потому что, хотя я и стою на пороге полувекового юбилея, однако стараюсь себя поддерживать в форме. И не только утренними пробежками вокруг нашего с Варей особняка в Вегасе и тренировкой в спортзале, но и занятиями в школе «Красного дракона» некоего господина Лю Веньяна в лос-анджелесском чайна-тауне, где с некоторых пор я всегда желанный клиент. Так что мне не составило особого труда уклониться и ответным ударом ребром ладони сломать бедолаге ключицу. Тот с воплем скрючился, а я, не дожидаясь, когда стоявшие позади наглеца двое подельников примутся мстить за товарища, отправил обоих в отключку. Здоровяку пришлось заехать дважды – после хука в висок он устоял на ногах, но удар ногой в грудь послал его всё же в недалёкое путешествие спиной на ближайший столик. Предмет мебели, естественно, такого надругательства над собой не выдержал и развалился, а сидевшие за ним трое горячих испанских мужчин успели шустро вскочить и стали помогать лежавшей в луже спиртного туше принять вертикальное положение.

– Эй, вы! Я сотрудник ФБР и требую, чтобы вы немедленно...

– Клайд, сзади!

Толсон тоже обладал неплохой реакцией. Наполовину опорожнённая бутылка текилы, которую собирался опустить ему на голову ещё один любитель неприятностей, лишь чуть задела плечо потенциальной жертвы, которая успела сделать шаг в сторону и встретить негодяя апперкотом в подбородок.

– Браво, Клайд, похоже, это нокаут, – ухмыльнулся я, косясь на неподвижно лежавшее на полу тело.

Впрочем, радоваться было рано, так как завсегдатаи бара явно намеревались устроить нам «тёмную». Сколько их здесь, человек пятнадцать? Многие сняли свои цепи, собираясь использовать их как холодное оружие. В такой-то сутолоке? Мы с Толсоном – он в боксёрской позиции, я внешне расслабленно – стояли спиной к стойке, следя, чтобы, кроме причитающего по-испански бармена, там никого не оказалось.

Первым полез неугомонный здоровяк, который уже попортил мебель. Что ж, если тебе мало – лови тройку: глаза, кадык, пах. Следующий получил носком ботинка по голени. Так, одноногий уже не соперник... А как там дела у Клайда? На него скопом не лезут, тем более основной удар я, выдвинувшись чуть вперёд, принимаю на себя. Так, изредка отмахивается... Странно, почему он не достаёт ствол? Мне-то пока в кайф рукопашная, хотя, если приспичит, начну пальбу без сомнений. Первый в воздух, затем на поражение, хотя можно начать с ног.

Ого, решили все вместе накинуться? Наносу прямой правой в чью-то челюсть, затем хук слева удалцу с перебитым носом. Теперь из-за опасного сближения с противником в ход пошли локти. Периодически и мне что-то прилетает, но либо вскользь, либо я в приливе адреналиновой горячки просто не чувствую ударов. Зря они цепи достали, как я и думал, в такой толчее ими не размахнуться, туго, видно, до ребят доходит.

Как там у Лермонтова: «Звучал булат, картечь визжала, рука бойцов колоть устала...» У меня пока не устала, но вскоре такое вполне может случиться, и вот тогда придётся доставать ствол, раз уж Толсон отчего-то медлит.

Оп-паньки! А моего консультанта, похоже, собираются посадить на перо! Причём сам он не замечает, как к нему подбирается тот самый красавчик, которому я сломал левую ключицу, поигрывая стальным жалом в здоровой, правой руке. Гляди-ка, неугомонный какой, чертяка.

Все эти мысли промелькнули в моей голове в доли секунды. Я резко отталкиваю Толсона в сторону, и лезвие, направленное вспороть ему бок, летит в меня. Только и успеваю в последнее мгновение выставить вперёд левую ладонь, которую нож пробивает насквозь. Вижу в глазах подонка лёгкое замешательство, после чего, не давая ему опомниться, бью лбом в лицо. Характерный хруст подсказывает, что ещё одним сломанным носом стало больше. Ублюдок, по-бабы вереща, складывается пополам, а удар носком ботинка в подбородок довершает дело.

А вот и долгожданный выстрел.

– Никому не двигаться, это ФБР!

Только после этого до собравшихся доходит, с кем они связались. Несмотря на предупреждение Толсона, способные самостоятельно передвигаться ломанулись к выходу. Естественно, Клайд не стал стрелять им в спину. И только сейчас меня отпустило. Сразу начало жечь огнём левую ладонь, из которой я, не мудрствуя лукаво, выдернул лезвие ножа.

– Дай бутылку самого крепкого пойла, – обращаюсь к бармену.

Тот, бледный от ужаса, протягивает мне ром Bacardi 151 крепостью 75,5 процента, испуганно добавляя:

– Бутылка стоит полторы сотни...

– Рассчитаемся, – цежу я сквозь зубы, свинчивая пробку и щедро лью на рану.

Уф-ф, больно-то как! Терпи, казак, атаманом будешь. Полбутылки как не бывало.

– Держи, – припечатываю к стойке две купюры с портретом Франклина, и оставшуюся жидкость вливаю в себя.

На мгновение в глазах меркнет, не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. Понемногу отпускает, вытираю рукавом пиджака выступившие слёзы. Вижу, как бармен с выражением бесконечного ужаса глядит на меня.

– Эй, как тебя, – обращается к нему Толсон, – хватит изображать жену Лота, вызывай полисменов и пожарных.

Зачем нужны пожарные, я уже догадался. Они со своими носилками использовались в качестве транспорта при доставке больного в госпиталь. Этим же занимались и похоронные

команды, которых тоже частенько вызывали на место происшествия. Забавно, конечно, приехать в больницу на катафалке. Однако поскольку скорой помощи в США не существует, то и выбора нет. Только после войны начали появляться отряды добровольцев, впрочем, в большинстве своём не имевшие даже навыков оказания первой помощи.

Полиция и три пожарные команды прибыли практически одновременно. А с ними и местные репортёры, безуспешно пытавшиеся прорваться внутрь. Не иначе, у них в департаменте свой человек.

– Капитан Макферсон, – представился мордатый коп, окидывая хмурым взглядом поле боя. – Что здесь произошло?!

– По-моему, и так всё ясно, – ответил Толсон, предъявляя капитану своё удостоверение, после чего у того брови поползли вверх. – Мы с приятелем решили пропустить по стаканчику виски, а этим парням захотелось поразвлечься.

– Так это... Мистер Толсон, вы что же, вдвоём с ними справились? – недоверчиво поинтересовался капитан.

– Моя роль в этой победе невелика, все лавры принадлежат мистеру Бёрду.

Для копа это очередное потрясение, он никак не ожидал встретить в баре ещё и знаменитого медиамагната. Видно, я сейчас не очень похож на себя, раз не признали сразу. Правда, я никогда не стремился к широкой известности, но фигура такого ранга по-любому где-то будет засвечена.

– Кстати, ему нужна помощь. Ценой увечья он, возможно, сохранил мне жизнь. А нож оприходуйте как улику. Владелец ножа – вон тот негодяй в луже крови.

Ходячих тем временем грузили в автозак, а остальных – на пожарные машины, чтобы в сопровождении нескольких копов отправить в ближайший госпиталь. Я же ехать отказался. К счастью, у пожарных была с собой аптечка, и один из них довольно умело забинтовал мне руку.

Думал, после полбутылки крепчайшего Bacardi меня развезёт, ан нет, лишь слегка в голове шумит, а ноги держат крепко. Может, палёный ром? Хм, не похоже, когда пил, долбануло знатно.

Больше тревожит другое: не задето ли какое-нибудь сухожилие? Пальцами вроде шевелю, но кто его знает... Вероятно, стоит показаться хирургу, но я с детства стараюсь общаться с врачами как можно реже. Посмотрим, как будет заживать. В отеле, во всяком случае, есть медсестра, которая, надеюсь, сможет сделать перевязку. А зашивать там нечего, края раны не расползлись, как-нибудь затянется.

На выходе нас встретили газетчики, осветившие площадку перед баром вспышками фотокамер. Блин... Я попытался закрыть своё малость помятое лицо рукой, но наверняка кому-то удалось зацепить мою физиономию. Да и имена пострадавших (хотя это как ещё посмотреть, кто больше пострадал) вряд ли представляют большой секрет. О, похоже, ещё и съёмочная группа с моего телеканала тут же. Вообще здорово. Теперь Варя точно узнает, что со мной стряслось. Дать им, что ли, команду не пускать сюжет в эфир?... Хозяин я или нет?! А с другой стороны, все проверещат, а мои СМИ – как в рот воды наберут? Это уже удар по реноме.

Я подошёл к кинокамере, подозвал журналиста с микрофоном, шнур от которого тянется к переносному магнитофону с эмблемой нашего телеканала, и начал говорить. Сюжет не должен быть большим, это закон жанра, поэтому я стараюсь быть краток. Рассказываю, как мы с мистером Толсоном зашли в бар расслабиться, как на нас напали мексиканцы и как замдиректора ФБР героически разбрасывал негодяев в стороны. Клайду ничего другого не остаётся, как тоже взять слово и уже в свою очередь выставить героем меня. Газетчики судорожно записывают наши слова в блокнот, представители же радио вооружены портативными магнитофонами. Им проще, не нужно потом сводить звук и картинку, как моим ребятам с телевидения.

На следующее утро из зеркала на меня смотрела украшенная парой кровоподтёков физиономия, однако Толсон, когда я его встретил в холле отеля, выглядел на порядок хуже. Ему бы отлежаться денёк, однако нам пришлось тащиться в Западное бюро департамента полиции Лос-Ан дже ле са (LAPD) – давать показания для официального протокола. Там с нами общался сам начальник бюро Дон Донован. Забавно звучит, вот только Дон Донован оказался весьма хмурым типом, к тому же, судя по всему, не очень-то симпатизирующим ФБР. И даже звание сидящего напротив Толсона его не смутило.

– Любопытно узнать, что заместитель директора ФБР и такой богатый человек, как вы, мистер Бёрд, делали в баре, где собирается мексиканское отребье? – с ходу начал, не обращаясь ни к кому из нас конкретно.

Инициативу взял в свои руки Толсон, подробно разъяснивший ситуацию, после чего Донован предложил мне и Клайду изложить всё в письменном виде. Просидели мы в кабинете почти полтора часа, в течение которых я успел раз десять проклясть этого грёбаного Донована и всю лос-анджелесскую полицию.

Однако на этом наши мучения не закончились. Нас повели на опознание, где мы с Толсоном признали всех, включая зачинщика, который пытался зарезать моего партнёра, а в итоге покалечил мою руку. Мы и так вчера на него указали, но в суматохе его определили вместе со всеми, теперь же сопровождавший нас лейтенант сделал соответствующую пометку в своём блокноте.

В общем, полдня угрохали на эту хрень, прежде чем вернулись в отель. Прощаясь до завтра, Толсон снова поблагодарил меня за самоотверженность, достойную образцового гражданина Соединённых Штатов.

Поднявшись в номер, я позвонил в Вегас. Трубку после пятого гудка подняла Варюха, которой я первым делом признался, что ужасно скучаю по ним с Софьей, затем поведал о съёмках и только после этого как бы между прочим упомянул о драке в баре. Судя по реакции супруги, сюжет либо ещё не показали, либо она не смотрела телевизор. Я заверил её, что отделался лёгким порезом и таким же лёгким испугом, на прощание пообещав вскоре на пару дней нагрянуть в Лас-Вегас – утрясти кое-какие дела и побыть с родными.

А дела эти, кстати, касались строительства Славянского университета и прилегающих кампусов, где смогут жить студенты. Да-да, именно Славянского, где смогут учиться дети и внуки выходцев из России и других славянских стран. Вообще я сначала подумывал создать в пригороде Лас-Вегаса своего рода рус-таун, по типу китайских чайна-таунов. А то лишь в Нью-Йорке наша община более-менее кучкуется, остальные сотни тысяч выходцев из России попросту растворились среди местного населения. Многие уже и родной язык практически забыли, и культуру, а это не есть хорошо.

Потом подумал, что Лас-Вегас всё ещё остаётся оазисом в пустыне, и чем там будут заниматься жители русского поселения, не совсем понятно. Уж не сельхозпроизводством точно. Трудоустроить же всех на своих предприятиях – нереально, не выгонять же квалифицированных работников, чтобы освободить места для русских. А ничего особо грандиозного я запускать не собираюсь, по крайней мере в ближайшие годы. Посему я пришёл к выводу, что если уж создавать анклав, то в Калифорнии. Можно попытаться скупить земли в Форт-Россе. Когда-то это было самое южное русское поселение, которое в 1841 году за 42 857 рублей серебром купил некий Джон Саттер. И вроде большую часть денег так и не выплатил, хотя на этот счёт я слышал разные мнения.

Форт-Россом я планировал заняться после того, как закончу с университетом. Благо киностудия и фильмы не заставили меня лезть в кредитную яму, а средства из других источников я получал регулярно, так что мог позволить себе приступить к реализации замысла. Правда, ради этого пришлось отодвинуть на второй план строительство второго отеля-казино, но два-три года отсрочки дела не решат. Тем более Варя меня полностью поддержала в этом

начинании. А когда я осторожно намекнул, что она с её задатками комсомольского вожака могла бы возглавить совет попечителей, жена тут же загорелась подобной идеей. Для меня это была гора с плеч, теперь я знал, на кого можно взвалить заботы, касающиеся университета. На первом этапе я, само собой, приму самое действенное участие, а когда процесс пойдёт, за дело возьмётся моя благоверная.

Кстати, благодарность от Гувера не заставила себя ждать. Он позвонил буквально на следующий день, его соединили с моим номером, и директор ФБР с ходу заявил:

– Клайд мне рассказал, как вы спасли ему жизнь, мистер Бёрд! Примите мою искреннюю благодарность, было бы жаль потерять такого ценного сотрудника и столь хорошего человека.

– Не стоит, мистер Гувер! Толсон мой гость, и я несу ответственность за его здоровье.

– Он говорил, что вы получили серьёзное ранение?

– Да как сказать... Ладонь продырявили ножом, надеюсь, через месяц от раны останется только шрам.

– С фильмом у вас, как я понимаю, проблем нет?

– О да, в свою очередь благодарю вас за мистера Толсона. Блестящий специалист, без его помощи, боюсь, у нас получилась бы полная ерунда.

– Что ж, не забудьте пригласить нас на премьеру.

– Кстати, я тут проговорился Толсону, что хотел бы пригласить на стажировку студентов-кинематографистов из СССР, а он предложил посоветоваться с вами. Мне кажется, в этом ведь нет особого криминала?

– Хорошо, что напомнили, потому что Клайд об этом вашем желании тоже упоминал. Зачем вам это надо, Фил?

– Я же говорил, что в душе продолжаю оставаться русским, то есть патриотом своей страны, хотя в ней и руководят коммунисты. Однако между СССР и США сейчас более-менее нормальные отношения, почему бы немного не помочь советскому кинематографу? За счёт этого мы могли бы навести ещё один культурный мост между странами и получить весьма крупный рынок сбыта нашей кинопродукции. Выгода очевидна, не так ли, Джон?

По имени я его ещё, кажется, не называл, но раз уж он меня Филом кличет, почему я не могу ответить тем же? Помнится, как в далёком таком уже будущем я смотрел прямую трансляцию встречи президента с представителями СМИ, и Владимир Владимирович панибратски так сказал немолодой журналистке: «Садитесь, Маша». На что она ответила: «Спасибо, Вова». Так что прецеденты, хоть и из будущего, имеются.

Гувер сказал, что в принципе в моих словах есть здоровое зерно и он над моим предложением подумает. В общем, полюбозничали и положили трубки, довольные друг другом. Дружить – если это слово здесь уместно – с ФБР полезно, с каждым годом организация становится всё более влиятельным игроком на внутренней арене. Это тот самый хвост, который виляет, ну или одна из приводящих мышц этого рудимента, если в качестве собаки мы подразумеваем первое лицо государства. Уже сейчас, я более чем уверен, Гувер вхож к президенту, хотя Уоллес, насколько я знал, не слишком жаловал главу Бюро, постаравшись создать вокруг себя своеобразный щит из доверенных людей.

А мне хотелось и для Уоллеса когда-нибудь что-то хорошее сделать, чтобы он и его окружение относились ко мне благосклонно, и с Гувером по-прежнему поддерживать нормальные отношения. В общем, как в поговорке, которую впоследствии переделали на пошлый лад: «И рыбку съесть, и косточкой не подавиться».

Глава 3

Это воскресное утро 17 апреля я коротал в рабочем кабинете своего особняка в Лас-Вегасе. Уютная, обставленная книжными полками комнатуха на втором этаже мне нравилась, однако здесь я был всё же редким гостем, предпочитая большую часть времени проводить со своими близкими. Но когда я занимался делами какой-то из своих компаний или писал сценарии, то мог сидеть в обтянутом прекрасно выделанной кожей кресле часами, читая и подписывая документы, либо уже довольно уверенно стуча по клавишам «ундервуда». На чтение книг времени я себе практически не оставлял, и пылью они не покрывались лишь благодаря еженедельным уборкам здесь моей Вареньки. Только её я мог сюда впустить, зато на приходящую домработницу-негрityнку ложилась обязанность держать в чистоте все остальные помещения дома.

Варька моя поначалу чуть было не встала в позу, мол, мало того что в Штатах на негров всё ещё смотрят как на людей второго сорта, так и ты туда же, пользуешься дешёвой рабочей силой. На эскападу жены я ответил, что эта самая рабочая сила обходится мне не так уж и дёшево, на такую зарплату миссис Джонсон, оставшаяся после смерти мужа матерью-одиночкой, может вполне нормально содержать своих троих детей. И вообще, если в СССР все профессии почётны, почему бы в США должно быть иначе? Варе не оставалось ничего другого, как признать мою правоту.

Закончив изучать содержимое папки, подсунутой мне накануне Стетсоном, я внёс на поля кое-какие пометки, откинулся в кресле и по заимствованной у янки привычке закинул ноги на стол. Ну а что, хорошо расслабляет мышцы, особенно после хорошей, совершённой пары часов назад утренней пробежки.

Взгляд скользнул по книжным полкам и задержался на корешке набоковской «Лолиты». Издание на английском языке с автографом Владимира Владимировича я получил по почте четыре года назад, сразу после выхода романа в свет. Варя, прочитав книгу, пожала плечами:

– Фима, я чувствую себя так, словно меня ткнули в грязь лицом. А почему этот Набоков выражает тебе благодарность как соавтору? Вы что, вместе писали?

Пришлось рассказать, как произошла наша встреча с писателем, которому я поведал услышанный якобы от одного знакомого похожий сюжет. А Набоков, понимаешь, вцепился в эту историю, и вот, гляди-ка, даже книгу написал.

Лёгкий халат добавлял домашнего уюта, как и чашечка кофе, впрочем давно уже опустошённая. Разве что курительной трубки не хватало, но я по-прежнему сторонился вредных привычек, лишь иногда позволяя себе несколько капель спиртного, как в случае с той попойкой в компании Толсона, завершившейся – не знаю уж, к сожалению или к счастью, – серьёзной дракой. Эта потасовка и последующее интервью, растиражированное на всю страну в газетах, по радио и ТВ, сделали нас с Толсоном в глазах рядовых американцев чуть ли не национальными героями. Престиж ФБР, как я догадывался, прибавил несколько пунктов. Как же, сам заместитель директора Бюро дрался как лев, там же в ФБР все молодцы как на подбор.

М-да, наши с Клайдом физиономии несколько дней не сходили с газетных страниц. И хотя я не любитель дешёвых понтов, но внутри меня периодически (особенно во время прочтения очередного панегирика) поднималось, как говорил ЛИБ, чувство глубокого удовлетворения.

Что же касается последствий, то лос-анджелесская полиция устроила на латинос настоящую облаву. Полицейские участки были наводнены арестованными людьми, у которых либо были обнаружены при обыске незаконные предметы типа оружия или наркоты, либо просто не оказалось с собой документов. Таких задерживали до выяснения личности, после чего обычно отпускали. Впрочем, попадалась и рыбка покрупнее. В частности, были арестованы

участники банды «чикано», на счету которой числились грабежи и убийства. Задержание сопровождалось перестрелкой, в результате двое полицейских были ранены, один погиб, у бандитов же пятеро раненых и двое погибших.

И кстати, послезавтра в Лос-Анджелесе состоится суд над участниками драки в баре «Пьяная лошадь». Вот только Толсон не сможет прилететь по причине занятости в Вашингтоне. Свою работу в Голливуде он сделал, фильм находился на стадии монтажа, и мотаться в город ангелов каждый раз ему было не с руки. Замдиректора ФБР – большая шишка... В общем, мне как пострадавшему придётся отдуваться одному. Честно говоря, и у меня не было особого желания тащиться в суд, однако я должен исполнить свой гражданский долг. Не стоит ронять своё реноме в глазах общественности, да и неявка по повестке без уважительной причины может плохо закончиться в правовом аспекте. И, наконец, должен же кто-то свидетельствовать, чтобы этих молодых наглецов отправили за решётку!

В дверь, отрывая меня от раздумий, деликатно постучали. Я быстро убрал ноги со стола и громко сказал:

– Да, солнышко!

Обращение универсальное, подходило как Софье, так и супруге, хотя по деликатности стука я уже понял, что это Варя. Открыв дверь, она поинтересовалась:

– Не помешала?

– Ты? Да никогда в жизни! Тем более я как раз закончил и собирался спускаться. Слушай, как же обалденно пахнет мой любимый борщ со свиными хрящиками!

– Я и пришла сказать, что он уже готов.

– Чем Сонька занимается?

– Как обычно, с Кармелой во дворе играют. Сейчас позову их, пусть поедят.

– А у них что на обед? – спросил я, памятуя, что Соня из русской кухни обожает пельмени в сметане, а вот щи-борщи не слишком жалует, не говоря уже о Кармеле, привычной к совсем другим блюдам.

– Суп-пюре и пицца.

– Э-э, я бы от пиццы тоже не отказался.

– На тебя тоже хватит, – рассмеялась жена, спускаясь на первый этаж. Она открыла дверь во двор и крикнула на английском, так как гостя не знала русский: – Девочки, бегом обедать!

Два раза звать не пришлось. Не прошло и пары минут, как я, Соня и Кармела сидели за столом, а Варя суетилась с блюдами. Наконец тарелки были расставлены, и она тоже присоединилась к трапезе.

Ух, до чего же хорош наваристый борщ с хрустящими сочными хрящиками и ложкой растворённой в нём сметаны! Неудивительно, что я попросил добавки. К тому времени, как я разобрался с борщом, девчонки, уже выхлебав свой суп и умяв по большому куску пиццы под кружку молока, с разрешения матери снова умчались во двор.

– Через некоторое время я хочу запустить их в бассейн, – сказала Варя, неторопливо доедая свой борщ. – Наша-то уже хорошо плавает, а Кармела пока только научилась держаться на воде, буду с лежака за ними приглядывать.

Научилась, кстати, благодаря тому, что купается в нашем бассейне, а то бы где ещё она освоила плавание? Но вслух я этого озвучивать не стал.

– Пожалуй, сегодня я тоже поплаваю. Вон, в моей газете пишут, что после обеда ожидается жара чуть ли не под тридцать градусов, как раз и охладимся всем кагалом. Надеюсь, ты с нами, или предпочтёшь лежак?

– Посмотрим. – Протянув руку, она потрепала меня по короткой шевелюре. – Только вот ещё нужно выбрать купальник...

– Они все тебе идут. К тому же здесь все свои, завидовать тебе будет некому, равно как и бросать со стороны похотливые взгляды. Разве что мне.

– Тыфу, развратник! – шутливо замахнулась она на меня полотенцем и тут же посерьёзна. – Фима, мне нужно тебе кое-что сказать.

– Та-ак, ну-ка, давай выкладывай, что случилось? Что-то серьёзное?

– Можно и так сказать, – опустила она глаза и совсем уж тихо произнесла: – В общем, я беременна.

Ничего себе! А я-то был уверен, что мы отделались одним ребёнком, хотя, признаться, особо контрацепцией не злоупотребляли. Да и каких-либо сверхусилий к появлению ещё одного беби не прикладывали. Просто занимались сексом в своё удовольствие, когда приспичит, за исключением «красных дней», и я уже подумывал, что мои сперматозоиды не столь подвижны, чтобы оплодотворить яйцеклетку возлюбленной. А вот хрена лысого! Оказалось, есть ещё порох в пороховницах!

– Варька, как же я рад! Какая ты у меня молодец!

– Ну, ты тоже... постарался.

Моя комсомолка смущённо зарделась, а я вскочил и, несмотря на плескавшиеся во мне две порции борща, подхватил её на руки и закружил по зале.

– Всё-всё, хватит, уже голова кружится, – со смехом запротестовала Варюха.

– Когда узнала? Какой срок? – вернувшись за стол, засыпал я жену вопросами.

– Вчера была у гинеколога по поводу отсутствия месячных, он сказал, что уже три недели.

– В нашей больнице?

– Конечно! – Варя даже обиделась, или сделала вид, что обиделась.

В общем-то, возведённая три года назад на мои средства больница получила профессионалов хорошего уровня, включая специалиста по женским проблемам. Хорошая зарплата и бесплатное жильё способны сделать счастливым в Лас-Вегасе даже того, кто азартные игры обходит третьей дорогой. Так что мнению мистера... Э-э-э, как же его... Не суть важно, главное, что мнению местного гинеколога вполне можно доверять.

– А этим самым нам можно заниматься или уже всё, запрет до родов? В прошлый раз вроде бы на третьем месяце закончили?

– Мистер Козецки разрешил придерживаться обычного течения интимной жизни в первый-второй триместр, но с определёнными предосторожностями.

– А что это за предосторожности?

– Нельзя создавать давление на живот, особенно когда он уже станет заметен. Так что придётся тебе что-нибудь придумать, а я буду каждую неделю проверяться у мистера Козецки... Как думаешь, мальчик родится или снова девочка?

– А ты бы кого хотела?

– Не знаю... Можно и мальчика, – улыбнулась она. – Но и девочка неплохо, лишь бы ребёнок родился здоровеньким...

В Лос-Анджелес я вылетел на следующий день, накануне судебного заседания. Остановился в том же отеле и в том же всё ещё забронированном на моё имя номере. Стетсона не взял, у него хватало дел и в Лас-Вегасе, а вскоре маячила командировка в Нью-Йорк и переговоры с компанией-подрядчиком относительно возведения в Вегасе университета из трёх корпусов и кампуса из двух. Малый корпус кампуса будет предназначен для руководящего и преподавательского состава, большой – для студентов. Предварительная договорённость с компанией уже имела, оставалось утрясти кое-какие детали, но для этого требовалась личная встреча, и этот вопрос я вполне мог доверить своему помощнику. Тем более зачем он мне нужен на суде? В качестве моральной поддержки?

А вечером в моём номере раздался телефонный звонок.

– Мистер Бёрд?

– Да, с кем имею честь?

– Не важно, – хмыкнул на том конце провода хриловатый голос. – Главное, мы знаем вас и можем проследить каждый ваш шаг. Поэтому в ваших же интересах сделать то, о чём я вас сейчас попрошу.

Ого, интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд!.. Похоже, это наезд, только от кого? Надеюсь, это сейчас выяснится.

– И что же вам нужно?

– Чтобы вы на завтрашнем заседании сказали, что ошиблись при опознании и Пако Гарсия не участвовал в драке. Запомнили? Пако Гарсия.

Вот оно что! За того самого подонка переживают, что начал эту заварушку, а в финале продырявил мне ладонь. Стараясь сохранить в голосе хладнокровие, спрашиваю:

– Но в этом деле есть и второй пострадавший, мистер Толсон. И он в случае чего опровергнет мои показания.

– Ваше слово против его, а тут ещё ничего не ясно, хоть он и большая шишка. Если же это случится, то лишь после решения суда, к тому времени наш парень будет уже далеко.

– Ясно... И сколько вы готовы мне заплатить?

Понятно, ни на какие компромиссы я идти не собирался, так что завёл речь о деньгах лишь из чувства стёба. Мой невидимый собеседник хмыкнул:

– Да вы шутник, мистер Бёрд. Ваша жизнь и жизнь ваших близких, думаю, станет неплохой компенсацией за правильные слова.

Тут-то меня и прорвало. Не то чтобы я принялся орать, брызгая в мембрану слюной, но мой тон не оставлял никаких сомнений, что всё, что я говорю, сказано не ради красного словца.

– А теперь ты слушай сюда, чак, и запоминай. – Я почему-то был абсолютно уверен, что общаюсь с мексиканцем. – Ты не первый, кто мне угрожает, мне угрожали такие люди, по сравнению с которыми ты и твои дружки – не более чем куча вонючего навоза. И многие из моих врагов уже беседуют с архангелами. Твоё счастье, что у меня нет сейчас возможности дотянуться до тебя и вколотить в твою мерзкую смуглую рожу понятие о справедливости, чести и достоинстве. Твой дружок совершил преступление, тяжкое преступление, и ответит за содеянное по полной программе.

И я с чувством выполненного долга бросил трубку, вытирая рукавом выступившую на лбу испарину. Затем интуитивно подошёл к окну и, не сильно высовываясь, обозрел окрестности. Не знаю уж, что я там ожидал увидеть, но ничего такого, что могло бы вызвать подозрения, я не обнаружил. Тем не менее на всякий случай задвинул портьеру. Мало ли, вдруг эти уроды сподобятся на снайпера.

Несмотря на волнение, ночью спал как убитый. Утром ситуация уже не казалась столь серьёзной. Кто они такие, в конце концов? Так, мелочь пузатая. Вряд ли этот недоросль Пако является криминальным авторитетом, слишком он юн и глуп. Хотя, не исключено, за ним и впрямь кто-то стоит. Родственники с тёмным прошлым? Тоже исключать нельзя. Но вряд ли они настолько безумны, чтобы нападать на почти что друга самого Толсона и тем более на его семью. ФБР в Штатах боялись, и не зря.

Однако мои худшие опасения всё-таки оправдались. В девять утра, за час до назначенного заседания суда, я выходил из отеля, чтобы сесть в вызванное портье такси. Спускаясь с крыльца, я буквально всем своим нутром ощутил, что большая, прямо-таки огромная неприятность уже занесла свой гвоздодёр над моей черепушкой. И неприятность эта была сконцентрирована в барабане «смит-вессон», ствол которого смотрел точно между моих глаз. Чувствуя разлившийся от затылка вниз холод, я сфокусировал взгляд на полметра дальше. Из-под серой фетровой шляпы на меня смотрели два глаза, две тёмные точки на смуглом лице, обрамлённом не очень длинными, выющимися иссиня-чёрными волосами. Классический латинос, однако в цивильном и неброском, без каких-либо выкрутасов костюме. И он собирается выпустить пулю мне в лоб!

Дальше тело действовало само. Одновременно с тем, как палец смуглолицего надавил на спусковой крючок, я метнулся вперёд, рыбкой ныряя ему в ноги. Над моей головой прогрехотал выстрел, позади раздался звон разбитого стекла, в то же мгновение подонки были опрокинуты на спину, а револьвер отлетел в сторону. Смуглому хватило бы и одного удара локтем в пах, после которого он побледнел, изображая хватающую ртом выброшенную на берег рыбу, но я для верности добавил несколько раз по некоторым специфическим точкам. Теперь негодяй пробудет в отключке как минимум до приезда полиции.

Не обращая внимания на понемногу отходящих от шока зевак, я направился к портю. Пуля, как я и предполагал, пробила стекло входной двери и, что печально, вошла в бедро носильщику, толкавшему к грузовому лифту тележку с чемоданами вновь прибывших постояльцев. Впрочем, рана была явно не смертельной, и вокруг издававшего стоны страдальца уже хлопотали добрые самаритяне, один из которых по счастливому совпадению оказался врачом.

Шустрый портю уже успел позвонить в полицию. Это что же получается, мне придётся ждать приезда наряда, а потом ещё и объясняться в участке? Тогда я гарантированно не успею на суд. Таким образом, даже не сумев меня пристрелить, подонки, выходит, своего добьются? Ну уж нет!

Адреналин тем временем схлынул, о только что произошедшем напоминали разве что подрагивающие кончики пальцев. Я посмотрел на конфискованный револьвер, который держал в руке, только сейчас сообразив, что самолично уничтожил отпечатки пальцев нападавшего на рукоятке, наставив вместо этого собственных.

- Слушай, умеешь пользоваться этим? – спросил я, протягивая молодому портю оружие.
- У моего дяди на ранчо такой же, давал стрелять по пустым бутылкам.
- Тогда держи того негодяя на мушке до приезда полиции.
- Хорошо... Одного не пойму, зачем он стрелял в нашего постояльца?

Похоже, начало драмы портю пропустил, занятый своими делами. Как свидетель вряд ли потянет. Зато возле крыльца стал уже собираться народ, кто-то из них наверняка способен дать свидетельские показания.

- Джентльмены, – обратился я к собравшимся, – кто видел, что здесь произошло?
- Я видел, – протиснулся вперёд средних лет мужчина с портфелем в руке.
- И я! – Это уже подросток, увлечённо впивавшийся молодыми, здоровыми зубами в сочное яблоко.
- К сожалению, я очень спешу и не смогу пообщаться с полицейскими. Если вас не затруднит, дайте показания.
- Но я тоже спешу, у меня важная встреча, – возразил обладатель портфеля.
- Мистер, вас всего лишь просят выполнить ваш гражданский долг, – понизив голос и добавив в него стали, сказал я.
- Н-ну, хорошо... Я не против, – сразу пошёл на попятную джентльмен, поймав на себе взгляды собравшихся.

Как оказалось, в толпе зевак стоял и водитель моего такси. Он объявился, лишь когда я подошёл к машине и требовательно дёрнул ручку двери.

- Вы мистер Бёрд?
- Да, и мне нужно добраться до места как можно быстрее.
- Что там случилось? – спросил он, поворачивая ключ зажигания. – Я читал газету, когда вдруг раздался выстрел, а потом смотрю – вы избиваете того типа.
- Полиция разберётся, а вы лучше следите за дорогой.

Прежде чем покинуть такси у здания суда, я осмотрелся. Вроде ничего подозрительного. В эпоху отсутствия сотовых телефонов возможность согласовать действия среди членов преступной группировки выглядела не столь мобильной, хотя негодяи могли заранее подстраховаться, прислав сразу двух убийц – к отелю и к суду. Вряд ли тут действовал одиночка. Неужто

за мной начала охоту настоящая банда? Или я зря себя накручиваю? Надеюсь, не стану жертвой навязчивой паранойи.

Заняв своё место в зале, я принялся осматривать присутствующих. Судя по смуглым лицам, тут хватало родни подсудимых, и некоторые из них неодобрительно поглядывали в мою сторону. Ну-ну, глядите, мне не жалко. Всё равно с оружием в зал суда никого не пустили бы, мне вон тоже пришлось сдать ствол дежурному офицеру.

Наконец ввели обвиняемых. Одиннадцать человек, на лицах ещё заметны следы побоев, и настроение у парней явно не радужное. Ещё бы, судья не кто иной, как Энтони Родсон, известный не только своей неподкупностью, но и крутыми приговорами. Это вам не суд присяжных, когда можно попробовать надавить на одного из его членов. На Родсона давить бесполезно, я-то уже успел выяснить, что это человек-камень.

Смотрю на Пако, встречаемся взглядами. В его глазах мелькает удивление. Ещё бы, небось, через личного адвоката – а у него, как ни странно, таковой имелся – узнал, что со мной разберутся, и явно не надеялся увидеть меня здесь. Я незаметно для окружающих подмигнул Пако, и на его загорелом лице с выправленным носом проступила совсем не южная бледность.

Заготовленный заранее спич, когда мне дали слово, я произнёс без запинки. Прокурор довольно кивал, кидая многозначительные взгляды в сторону Родсона, который не поднимал глаза от лежавших перед ним листов бумаги. Выслушав все стороны, суд удалился на совещание. С кем ему совещаться, с самим собой, что ли?

Как бы там ни было, полчаса спустя Родсон, вытерев влажную лысину большим носовым платком, приступил к оглашению приговора. Наверное, этот вариант у него был подготовлен заранее, но нужно было создать хотя бы видимость раздумий. Слова служителя Фемиды падали в густой воздух зала суда, как камни. В итоге подсудимые получили от полугода до пяти лет тюрьмы, причём пятёрку отхватил как раз Пако.

По ходу оглашения вердикта в зале поднимался ропот, а когда Родсон треснул молотком по специальной подставке, ставя в деле точку, ропот перерос в настоящий гвалт. Чаще всего пробивались женские крики. Эмоциональные мексиканки явно не были согласны с тем, что их сыновей, братьев, мужей и женихов упекут за решётку. Что ж, надеюсь, отбывая заключение, преступники обретут житейский опыт, который в будущем поможет им избегать попадания в столь щекотливые ситуации.

Я покинул зал одним из первых, в спину мне неслись проклятия на английском и испанском языках. Неприятно, но я чувствовал за собой правоту и шёл, расправив плечи, с высоко поднятой головой. Из суда я сразу же направился в ближайший полицейский участок, где рассказал о вечернем звонке неизвестного и утреннем покушении. Лейтенант, в кабинете которого я сидел, тут же набрал какой-то номер и по телефону повторил кому-то мои показания. Затем выслушал ответ, положил трубку и велел мне ждать в коридоре.

– Стрельбой в отеле занимается другой отдел, по месту происшествия, там же пока находится и задержанный, но теперь, похоже, ввиду новых обстоятельств, это дело передадут выше. Скоро за вами должна приехать машина.

Час спустя я входил в кабинет Дона Донована. Давно не виделись!

– Всё никак не угомонитесь? – встретил он меня неожиданным вопросом, больше похожим на утверждение.

– Мистер Донован, вообще-то это в меня стреляли...

– Ладно-ладно, не кипятитесь. Почему вы покинули место происшествия?

– Потому что тогда не успел бы в суд, – пожал я плечами.

– Хм... Ясно... А почему не обратились в полицию накануне, сразу после звонка неизвестного?

– Думал, всё не настолько серьёзно. Кто же знал, что они решатся на убийство!

– Кто они? Вы думаете, общался с вами и стрелял не один и тот же человек?

– Мой собеседник говорил «мы», а в отношении Гарсии – «наш парень».

Донован задумчиво прошёлся по кабинету, постоял у окна и, не оборачиваясь, произнёс:

– В прошлый раз я не стал вам говорить, посчитав эти подробности излишними, но сейчас, ввиду новых обстоятельств... У этого Гарсии дядя по материнской линии – Гектор Сальвадо. Слышали о таком? Нет? А это не кто иной, как известный в Мексике бизнесмен и в то же время глава крупного преступного клана. Он поднялся на рэжете, а в последние годы его люди занимаются поставкой в Калифорнию марихуаны. Самого Сальвадо пока привлечь к уголовной ответственности не удаётся, тем более что мексиканские власти не очень охотно идут на сотрудничество с американцами. Живёт он по большей части в Тихуане, на самой границе с Сан-Диего, однако на территорию США не суётся, хотя кое-какие легальные дела в Штатах и проворачивает. Родители Гарсии в Лос-Анджелесе держали небольшой магазин, служивший перевалочной базой для наркотиков, но когда их накрыли в позапрошлом году, то отец отправился тянуть трёхлетний срок, а мать и младшие брат и две сестры уехали в Тихуану под крылышко Сальвадо. Пако решил остаться в Лос-Анджелесе, где ему больше нравится, чем в Мексике, и на денежки дяди он вёл вполне сносную жизнь, пока не вляпался в историю с вами и Толсоном. Это всё, что я выяснил, так что сами можете сделать вывод, кто мог подослать напавшего на вас человека. Документов наши люди при нём не обнаружили, сам же он молчит как рыба. Мы попробуем его ещё потрясти, но не исключено, на фоне вновь открывшихся обстоятельств этим делом может заняться ФБР.

– Думаю, даже людям из Бюро вряд ли удастся выбить из него имя заказчика.

– Это верно, такие люди расправе подельников предпочтут пожизненный срок. У них хоть и не сицилийская мафия с их омертой, но нравы мало в чём отличаются. Я попросил бы вас пока никуда не исчезать в ближайшее время. Сейчас оформим показания, а затем отправляйтесь в отель и ждите, когда вас снова вызовут.

– Вообще-то я хотел как можно быстрее оказаться рядом со своей семьёй.

– Не переживайте, я позвоню тамошнему шерифу, он обеспечит вашим близким надёжную охрану.

– Лучше им вообще куда-нибудь уехать на это время.

– А есть куда?

– Найдём.

По возвращении в отель я вызвонил Фёдора, которого посвятил в произошедшие со мной события.

– Что-то на местного шерифа у меня мало надежды, – сказал я ему. – Хватай-ка ты пару парней покрепче и с утра пораньше сажай моих жену и дочь в машину и вези их... Вези в аэропорт, на первый рейс до Нью-Йорка. Туда сопроводишь их лично, все расходы я оплачу.

– Понял, а куда в Нью-Йорке?

– А в Нью-Йорке возмёшь в прокат машину, и отправляйтесь в вашу станицу.

– Хорошая идея, – одобрил казак. – Там никакие латинос Варвару с Софьей точно не найдут. Пусть только сунутся! А пока я направлю к вашим домой своих ребят для охраны.

После этого мне пришлось выдержать, как мне сначала казалось, трудный разговор с Варей. Однако супруга, имеющая за плечами опыт работы в тылу врага, от паники оказалась далека, информацию восприняла спокойно и пообещала уже с вечера собрать в дорогу только самое необходимое.

Ф-фух, кажется, с этим разобрались. Конечно, не стоит говорить гоп раньше времени, но всё равно на душе стало чуть легче. А с этими уродами нужно что-то делать, иначе они могут устроить за мной настоящую охоту. Пожалуй, можно и впрямь подключить ФБР, если, конечно, ребята из Бюро не возьмутся за это дело раньше моего звонка Гуверу. Попытка убийства известного в Штатах бизнесмена и мецената – не рядовое событие, уже завтра же хрони-

кёры выдадут в газетах свою версию событий. Решено, если завтра агенты Бюро не почешутся, то к вечеру наберу Гувера, а лучше Толсона, раз уж он тоже оказался замешан в этом деле.

Чем бы занять остаток дня? На часах 14.20, не сидеть же безвылазно в номере... А съезжу-ка я на киностудию, там моё присутствие лишним точно не будет. Как раз работа над «Тутси» и «Молчанием ягнят» вступала в завершающую фазу. Комедия уже находилась на стадии монтажа, в триллере доснимались последние сцены. В общем-то, как и планировали по срокам. В военной эпопее «Спаси рядового Райана» всё шло по графику, через месяц там тоже приступят к монтажу и озвучке.

Процесс монтажа «Тутси» меня порадовал, такими темпами дело скоро дойдёт до озвучки.

Надо подумать, что брать на перспективу. Кое-кого я уже озадачил своими звонками, но очень хотелось снять фильмы по «своим» книгам «Экспансия» и «Код да Винчи». Однако это автоматически означало бы повышение интереса к моей персоне со стороны спецслужб в тот момент, когда шум относительно липового авторства Гринуэя вроде бы поутих. Опять же, как это ни смешно звучит, пришлось бы покупать права на экранизацию у племянницы Гринуэя. Не то что мне для сироты денег жалко, но такой шаг стоял мне поперёк горла. Так что с экранизациями я решил пока не заморачиваться.

Не торопясь я добрёл до павильона, где снималась очередная серия седьмого сезона «Американской домохозяйки». За эти годы Сара Хейден, исполняющая роль домохозяйки Джинджер Саймон, стала настоящей звездой. Интересно, достигла бы она таких высот, не обрати на неё в своё время внимание ассистент режиссёра моего сериала?

Хм, кстати, кинофильмы под «Оскар» – дело хорошее, но телесериалы – самый беспроигрышный вариант. Идут на двух из трёх моих каналах (не считая спортивного) в прайм-тайме, и хотя во время их показа рекламные вставки обходятся рекламодателям на порядок дороже, но в желающих отбоя нет.

А, к слову, не пора ли расширить сферу деятельности в этом направлении? Оттолкнуться есть от чего. Сериалов в своё время я пересмотрел немерено, в том числе таких, где вполне можно обойтись без компьютерных эффектов, так что на первых порах могу сценаристов порадовать идеями. Почему, например, мы незаслуженно обходим стороной фантастические сюжеты? Понятно, что снимать «Американскую домохозяйку», где весьма скудный видеоряд и весь сюжет построен на диалогах, намного проще. Но пора бы уже и картинкой брать! Если этого не сделаю я, рано или поздно найдётся кто-то более шустрый. И было бы глупо упускать такой шанс.

Мне, например, не очень нравился «Звёздный путь», но вся Америка на нём сидела десятилетиями. Вот и первый кандидат! А второй – «Звёздные врата». История о сети устройств, созданных инопланетной расой древних и позволяющих мгновенно перемещаться между различными мирами, обязательно найдёт поклонников.

Стоит подумать и о «Секретных материалах». Истории с участием Малдера и Скалли я любил. Это был бы очередной комплимент в сторону Гувера и ФБР, с которыми я старался поддерживать хорошие отношения. Джон Эдгар, надеюсь, будет не против, если мы придумаем им отдел, занимающийся делами с паранормальными явлениями...

Моё внимание привлекла пара дурачившихся молодых то ли актёров, то ли работников студии – всех в лицо запомнить просто нереально. Молодые люди, видно, в свой обеденный перерыв изображали дуэлянтов, фехтуя... швабрами. Вот, кстати, можно снять и «Зорро». Причём сначала отдельным фильмом, а потом растиражировать в виде сериала. Это уже скорее вестерн, но почти средневековый, с обилием схваток на шпагах.

На фоне нахлынувших идей даже как-то на второй план отошло вчерашнее происшествие. И когда я в задумчивости поднимался на крыльцо отеля, очередной убийца легко мог ко мне подкрасться, но, на моё счастье, этого не произошло.

Ещё раз позвонил Варе. Отчиталась, что они с Сонечкой в полной боевой готовности, что Фёдор купил три билета на десятичасовой рейс в Нью-Йорк, а его двое людей в данный момент несут охрану на первом этаже особняка.

Семь вечера. Я в халате улёгся в постель, закинув руки за голову, и подумал, что нужно озаботиться привлечением новых кадров. В частности, сценаристов, поскольку я хоть и планировал периодически садиться за «ундервуд», чтобы родить, а вернее, вспомнить нечто эпикальное, фильмы должны быть поставлены на поток, для чего требовались не один и не два сценариста, а хотя бы с десяток. Не теряя времени, я достал свою записную книжку и принялся обзванивать представителей нужной мне профессии. В первую очередь уже знакомых мне по совместной работе десятилетней давности Джона Хьюстона, Германа Манкевича и Бена Хекта. До первых двух дозвонился сразу и тут же получил их согласие. Правда, Хьюстон предупредил, что недавно закончил режиссёрскую работу над драмой «Мы были чужими», премьера которой состоится на днях, и хочет пару месяцев отдохнуть, лишь после этого сядет писать мне сценарий. Хект в своей нью-йоркской квартире ответил только в девять вечера, то есть в шесть вечера по Нью-Йорку. Выслушав, что-то промямлил заплетающимся языком, из чего я понял только, что вопрос касался денег. Похоже, старина Хект нетрезв. Заверив его, что с деньгами проблем не будет, предложил ему проспать и созвониться утром.

До того как я, наконец, связался с Хектом, успел пообщаться ещё с парой ребят – молодым Ричардом Сейлом и более опытным Джорджем Ситоном.

Ночью спалось плохо, снова терзали какие-то смутные предчувствия. Утром первым делом отправился в душ немного освежиться. Вытираясь большим махровым полотенцем, косился на себя в зеркало, не без удовольствия отмечая, что нахожусь в неплохой форме. Лишний жирок, конечно, присутствует, но мышцы, если их напрячь, рельефно выделяются.

От акта нарциссизма меня отвлек телефонный звонок. Босиком прошлёпал к столу и, только поднимая трубку, всем своим естеством почувствовал, что сейчас услышу плохое известие.

– Ефим Николаевич...

– Фёдор, ты? Что случилось?

– Беда, Ефим Николаевич!

В горле застрял ком, а сердце сработало через раз. С трудом придавая голосу жёсткость, выдал:

– Рассказывай.

Из сбивчивого рассказа начальника охраны удалось понять, что мои жена и дочь этой ночью пропали. Скорее всего, похищены. Нёсшие дежурство в доме двое телохранителей утром были обнаружены мёртвыми с рублеными ранами на теле.

– Твои, казаки? – хмуро спросил я Фёдора, чувствуя, как в глазах темнеет.

– Мои...

– Как же так, почему они не отстреливались?

– Сам не понимаю, почему так вышло. Недавно прибыли из станицы, неопытные... Виноват, Ефим Николаевич, – покаянно резюмировал Фёдор.

– Жалко парней, – вздохнул я. – В полицию сообщил?

– Пока нет, решил сначала вам позвонить. Но шерифа придётся оповещать в любом случае, два трупа как-никак...

– Ладно, сигнализируй шерифу, пусть всё осмотрит, а потом... потом приберитесь. Наверное, много крови натекло... А я тут пока что-нибудь придумаю. И скажи Стетсону, пусть позаботится, чтобы о произошедшем не пронюхали журналисты.

Положив трубку, я наконец дал волю своим чувствам, засадив кулаком по ни в чём не повинной стене и заорав, а вернее завыв чуть ли не по-волчьи на высокой, протяжной ноте. Мне было плевать, услышит меня кто-нибудь или нет, пусть хоть весь отель на уши встанет от

моего вопля. Затем повалился на пол и лежал так с закрытыми глазами и стиснутыми зубами неизвестно сколько времени, не обращая внимания на саднящую боль в костяшках. Думать я ни о чём не мог, перед глазами стояли улыбающиеся Варя и Соня, которых, возможно, уже и в живых... Нет, я не имею права верить в худшее, не имею права даже допускать эту мысль! Я должен думать, как им помочь, потому что уже знаю, кто стоит за этим похищением. Но в таком случае похитители должны выдвигать какие-то требования...

Очередной телефонный звонок заставил меня открыть глаза и уставиться в потолок с люстрой посередине в кольце ажурной лепнины. Механически отметил чистящую лапки муху на одном из рожков люстры. Надо же, с такого расстояния разглядел, что насекомое проводит гигиенические процедуры... Под ввинчивающуюся в мозг трель звонка медленно поднялся, добрёл до столика с телефоном и поднял трубку.

– Мистер Бёрд?

Тот же голос, который предлагал мне сказать в суде, что Пако Гарсия не кидался с ножом на нас с Толсоном. Только не сорваться, нельзя ему давать и намёка на то, что меня захлестывают эмоции. С каким бы удовольствием я выдавил этой гниде глаза!

– Да, я.

– Что-то слишком уж вы спокойны, мистер Бёрд, – я словно вижу, как усмехается мой собеседник. – Или вы ещё не в курсе относительно случившегося с вашими женой и дочерью?

Стискиваю зубы, которые, такое чувство, сейчас раскрошатся, и зажимаю ладонью мембрану, чтобы этот ублюдок не расслышал мой сдавленный рык. Перевожу дыхание и отвечаю:

– Я в курсе и надеюсь, что они живы. Вы, наверное, звоните, чтобы озвучить свои требования? И хотелось бы знать, как к вам обращаться.

– Поражаюсь вашему хладнокровию, мистер Бёрд! Что ж, можете называть меня... м-м-м... допустим, Хосе. И вы не ошиблись, ваши жена и дочь живы, хотя и находятся уже за пределами Соединённых Штатов.

«Тихуана, – мелькает в моей голове, – они в Тихуане».

– Раз уж вы отвергли наше первое предложение и уцелели после, скажем так, встречи с нашим человеком, мы дадим вам последний шанс загладить вашу вину...

– Мою вину? – саркастически переспросил я.

– А чья вина, что Пако получил пять лет? Кто вам мешал сказать, что вы ошиблись, что это не он выхватил нож и нанёс вам ранение? Поэтому наши условия такие: по миллиону за каждый год, который Пако проведёт в тюрьме. Наш друг эти годы должен прожить в уверенности, что после освобождения его ждёт райская жизнь.

А у этих ребят губа не дура. Пять миллионов по нынешним временам – огромные деньги! Понятно, мои активы, если обобщить их стоимость, оцениваются в десятки, а то и в сотни раз дороже, однако снять со счёта я могу максимум тысяч семьсот, не больше. Потому что мои деньги находятся в обороте, из которого изъять их практически не представляется возможным, о чём я и сообщил человеку на другом конце провода.

– Мы понимаем вашу ситуацию, – с наигранным сочувствием вздохнул тот, – поэтому согласны дать вам неделю, чтобы собрать нужную сумму. Продайте какой-нибудь бизнес, с хорошей скидкой его быстро у вас купят. Либо возьмите в банке кредит: такому человеку, как вы, не откажут. Думаю, ваши жена и дочь стоят таких денег. И советую не рассказывать о нашем разговоре копам, которые уже, кажется, начали рыть землю после пропажи ваших родных и гибели двух человек, которых вы неосмотрительно оставили присматривать за вашей семьёй. Пожалуй, вам стоит сейчас вернуться в Вегас, это будет выглядеть логично, а там уже озаботитесь вопросом получения наличности. Как только сумка с деньгами окажется у нас – вы получите обратно свою ненаглядную жёнушку и такую милую дочурку.

– Как я могу быть уверен, что вы меня не кинете, получив требуемое?

– Хм... Здесь вам придётся положиться на обещание, скажем так, моего босса, которого я сейчас представляю.

«Гектора Сальвадо?» – хотел я уж было спросить, но вовремя сдержался. Ни к чему им знать, что я уже обладаю кое-какой информацией.

– А чтобы вы были сговорчивее... Эй, Энрике, – крикнул он кому-то, – приведи сюда девчонку!

Через минуту я услышал в трубке голос, от которого сжалось моё сердце.

– Папа, мне страшно! – пролепетала дочка на русском. – Какие-то дяди ночью зашли в дом, мама пыталась длатся, но один из дядей удалил её по лицу. Нам надели на голову мешки и увезли...

– Милая, где вы находитесь сейчас? Что вокруг вас?

– Папа, это какой-то дом с высоким заболом, тут дяди с пистолетами. Нас с мамой заклили в подвале.

– Эй, – услышал я голос Хосе, – какого чёрта?!

Затем, судя по всему, он вырвал трубку у дочери и прорычал:

– Вы что, на своём грёбаном русском говорили? Учтите, мистер Бёрд, с нами шутки плохи, не вздумайте играть с нами втёмную.

– Слушай меня внимательно, Хосе, – процедил я. – Если хоть один волос упадёт с головы моей жены или дочери, вся ваша банда – покойники. А тебя и твоего босса я буду убивать медленно и со вкусом. Надеюсь, ты понимаешь, что я слов на ветер не бросаю?

– Угрожаете? – хмыкнул тот. – Вы владеете казино и должны знать, что сильнее тот, у кого на руках козыри. И они точно не у вас. Поэтому ищите деньги, а через неделю мы позвоним вам на ваш домашний номер в Лас-Вегасе.

В трубке зазвучали гудки отбоя, и я с силой опустил её на рычажки. Переполнявшая меня ярость требовала выхода, но я понимал, что все козыри и впрямь в руках этих ублюдков.

Что же предпринять?... Деньги я уж как-нибудь соберу, в крайнем случае, мне дадут кредит в Bank of America, я у них как-никак любимый клиент. Но и спускать с рук негодяям, посмевающим в своих грязных играх использовать близких мне людей, я не собирался. Зло должно быть наказано, причём самым безжалостным образом! И никакая полиция, никакое ФБР здесь не поможет.

Может, напрямч советскую разведку? Я представил, как звоню связному в Вашингтон, прошу о встрече в Лос-Анджелесе, чтобы не светить его в маленьком Лас-Вегасе. Хорошо, если у них кто-то есть на Западном побережье из системы «Амторга», под прикрытием которого работали многие агенты разведки. Пусть эта встреча состоится даже на следующий день. Я объясняю ситуацию, связной докладывает Серову, тот связывается с Москвой, там решают, как задействовать агентуру в Мексике. Имеются ли у них «ручные» боевики, которые смогут помочь вызволить мою семью? Ну или хотя бы после уплаты выкупа отомстить ублюдкам, разнеся их базу по кирпичику? Станут в Москве так подставляться? И самое главное – сколько времени всё это займёт?

А что, если обратиться к криминалу? Единственный, кто мне пришёл сейчас на ум, – Мейер Лански. Конечно, связываться с мафией, пусть даже и еврейской, дело опасное и может иметь далеко идущие последствия. Но у Лански связи чуть ли не везде, включая конгресс, не говоря уже о криминальном мире. Он точно может помочь мне выйти на это осиное гнездо и, не исключено, посодействовать, чтобы это гнездо как следует разворошить. Я даже готов заплатить ему на порядок больше, чем этим вымогателям, лишь бы в моей душе поселилось чувство удовлетворения от хорошо сделанной работы.

Лански сейчас как раз в Вегасе, и не стоит терять времени. Если он мне откажет, придётся рассчитывать только на Москву.

От размышлений меня отвлек ещё один телефонный звонок.

– Мистер Бёрд? Это шериф Лас-Вегаса Джон Ломбардо. Вы в курсе, что произошло сегодня ночью?

– Да, мне позвонил начальник охраны моего отеля сразу после того, как были обнаружены трупы его людей, а также выяснилось, что мои жена и дочь похищены.

– Хорошо, что вы уже знаете. Я звоню вам из вашего дома, где пытался найти хоть какой-то намёк на то, кто мог это сделать. У вас нет никаких догадок на этот счёт?

– Думаю, это может быть как-то связано со вчерашним покушением на меня. Я собираюсь вылететь в Вегас ближайшим рейсом, так что уже этим вечером мы сможем пообщаться с глазу на глаз.

– О'кей, буду ждать вас у себя.

Спустя восемь часов я вышел из кабинета шерифа Ломбардо, огляделся и, не заметив ничего и никого подозрительного, уселся за руль своего «кадиллака». Лимузин по ровной асфальтированной дороге двинул в сторону отеля «Фламинго», где меня уже ожидал Мейер Лански. Я созвонился с ним перед вылетом из Лос-Анджелеса, так что он был в курсе произошедшего. Поинтересовался, может ли чем-нибудь помочь, но я предложил ему дожждаться вечера, когда сам заявлюсь к нему в отель.

И вот мы сидим напротив друг друга, на столе между нами выпивка, но при одном взгляде на бутылки меня почему-то пробивает отвращение. Может, потому, что сегодня у меня во рту не было и маковой росинки, а пить на голодный желудок не в правилах хорошего тона. Есть тоже в виду сложившейся ситуации не хотелось совершенно. Так что я попросил принести только стакан холодной воды, который опрокинул в себя залпом.

– То, что они сделали, – это за гранью даже для нас. Семья священна и неприкосновенна, – сказал Лански, пуская в потолок струю дыма. – Рассказывай, Фил, что тебе об этом известно, какие догадки на этот счёт?

Совсем не бережёт свои лёгкие. Хотя, если мне память не изменяет, в прежней реальности он дожил до преклонного возраста, и в данной альтернативе этот поц жив и здоров.

В сложившейся ситуации, решив довериться своему партнёру, я не считал нужным что-то от него скрывать, поэтому выложил всё как есть.

– То есть ты уверен, что ребята из ФБР, с которыми ты так хорошо спелся, тебе не помощники? – поинтересовался Лански, когда я закончил.

– Я оценил твой сарказм, Мейер, но ты должен понимать, что после того, как я верну жену и дочь...

– Беременную жену и дочь, – поправил меня Лански.

– Откуда ты знаешь?

– Вегас – городок маленький, слухи расходятся быстро, – усмехнулся он, и я подумал, что нужно этому Козицки, или Козецки (кто ещё мог проболтаться?), сделать внушение. – Итак, что ты намерен предпринять после того, как заплатишь этим латинос пять миллионов?

– Я намерен отправиться в Тихуану и уничтожить их гадючник. Втягивать своих людей, которые занимаются охраной моих объектов, я не хочу, твоим же парням не впервой решать проблемы подобного рода.

– Значит, ты не хочешь, чтобы твои люди марали свои руки в дерьме, а моим, выходит, не привыкать?

Я стиснул челюсти, едва сдерживаясь, чтобы не послать Лански куда подальше. Мы с ним ровесники, а он разговаривает со мной, как с пацаном, хотя я уже давно отвык от подобной манеры общения.

– Знаешь что, Мейер, если не хочешь мне помочь, так и скажи, и нечего делать из меня клоуна. Лучше я проверну это дело в одиночку, чем буду унижаться до такой степени.

Я встал, собираясь покинуть его кабинет с гордо поднятой головой.

– Сядь, Фил! – В голосе Лански не осталось и намёка на иронию.

Я вернулся в кресло, приготовившись слушать.

– Не строй из себя обиженную девочку, в таких делах каждый ищет свою выгоду или, как минимум, прикидывает, сколько он может потерять...

– Я могу переписать на тебя свой отель. Телевидения, радио, газет и киностудии, не считая предприятий поскромнее, на жизнь мне вполне хватит.

– Оставь свой отель себе, у меня их у самого два, и я тоже не бедствую. Вот что я тебе скажу... Этот Сальвадо совсем берегов не видит. Мало того что его племянник едва не порешил тебя и заместителя директора ФБР, так он ещё набрался наглости требовать денег. И не какую-то там сотню тысяч, а пять миллионов! Это, скажу я тебе, беспредел, который чужаки творят на нашей земле, и без ответа такое остаться не может. Это дело принципа, Фил, плевков в лицо нашей организации.

– Ты хочешь подключить к этому делу сицилийцев? – поморщился я, вспомнив свои тёрки с этими ребятами.

– Обойдёмся без них, но они, в случае чего, будут на нашей стороне. Им тоже не по нраву, когда от их пирога кто-то пытается урвать здоровенный кусок. А Сальвадо со своей наркотой именно этим и занимается.

– Я так понимаю, ты готов выделить мне с десяток бойцов?

– За этим дело не станет, хотя десятком, боюсь, дело может не ограничиться. Мои люди выяснят, что собой представляет обитель Сальвадо в Тихуане, уже сегодня я отправлю туда парочку своих парней с мексиканскими корнями... Что ты так на меня смотришь? Или думал, в моём подчинении только евреи? Ошибаешься, у меня тут настоящий интернационал, хотя потомки Давида, не буду врать, занимают привилегированные позиции.

Ну а что, логично, да и в общем-то мне до лампочки, какова иерархия в структуре банды Лански. Хоть папуасы с автоматами, лишь бы толк был.

– Итак, – продолжил Мейер, – мои люди раз узнают обстановку, а если повезёт, то найдут место, где держат твою семью. У Сальвадо, насколько я знаю, несколько гнёзд в Тихуане, твои жена и дочь могут находиться в любом из них. Опять же, мы ограничены неделей, этого времени вряд ли хватит, чтобы без лишнего шума перетащить через границу отряд моих головорезов. Поэтому тебе так и так придётся искать деньги для выкупа.

– Найду, – сказал я, твёрдо глядя в глаза собеседнику. – Думаю, в Bank of America мне дадут кредит.

– Пять миллионов? – недоверчиво покачал головой Лански. – И как ты объяснишь, на что тебе понадобилась такая крупная сумма?

– Мало ли... На строительство университета, к примеру, или скажу, что хочу ещё один отель возвести.

– Думаешь, они тебе поверят? Ладно, хоть что-то, да получишь, а если не будет хватать, то организация тебя выручит.

– Занимать у мафии? О-о, нет, Мейер, уволь, я не хочу ходить у сицилийцев в должниках.

– А кто сказал, что у сицилийцев? Я и сам человек не бедный, кое-что у меня отложено на чёрный день. А процентная ставка будет минимальной из всех возможных, мы же с тобой партнёры.

– Хм... Хорошо, если с деньгами будут проблемы, то я согласен на твоё предложение.

– Вот и отлично! И кстати, финансовая сторона операции тоже за твой счёт, а если кто-то из моих парней получит ранение или погибнет...

– Я понял, Мейер, их близкие ни в чём не будут нуждаться до конца своих дней.

– Тогда за успех! – отсалютовал мне Лански своим хай-боллом и влил в себя изрядную порцию виски.

Глава 4

От конкурирующих изданий информацию о похищении моей семьи удалось каким-то чудом утаить. Я взял с нашего шерифа обещание держать язык за зубами. Руководители моих СМИ осторожно поинтересовались, можно ли в каком-то виде обнародовать новость, однако получили от меня отбой.

На следующий день после возвращения в Вегас я посетил местный филиал Bank of America, где после личной встречи с его управляющим, который к тому же попросил время на телефонную консультацию со своим руководством, мне согласились выдать только два миллиона из пяти. Больше у них здесь не имелось, да и, похоже, они не желали давать такую сумму под непонятный проект, хотя я им представил все бумаги: мои финансисты заранее просчитали, во сколько обойдётся строительство второго отеля. Хорошо хоть, согласились выплатить стодолларовыми купюрами, иначе объём налички вырос бы в несколько раз. Как я ни хотел брать деньги у Лански, но в итоге пришлось одолжить три миллиона. На моё счастье, и Лански подогнал мне купюры такого же номинала, так что общий вес двух сумок составил ровно полцентнера.

Пока я метался между банком и отелем «Фламинго», меня выловил Стетсон:

– Мистер Бёрд, с вами очень хочет поговорить директор ФБР.

Очнулись... Похоже, Стетсон и слил инфу своему боссу. Ладно, надеюсь, хуже не будет.

Гувер в телефонном разговоре выразил сочувствие по поводу произошедшего и проявил некоторую осведомлённость в моём вопросе. В частности, он знал о неудачном покушении на меня и о возможной причастности ко всему этому Гектора Сальвадо. Я вилять не стал, сказал всё как есть.

– С задержанным общаются мои люди, но тот нем как рыба, – ровным, без эмоций голосом сказал Гувер. – Они уже просили выкуп?

– Да.

– Много?

– Пять миллионов.

– Ого... У вас есть столько?

– Уже есть, – скупой ответил я.

– О'кей, не буду спрашивать, где вы их взяли, надеюсь, удастся обойтись без выплаты.

– Времени осталось мало, а я не хочу рисковать жизнью моих близких.

– Понимаю, но всё же... Кстати, я связался с мексиканскими властями.

– И каков результат?

– Они заявили, что не видят нужды устраивать обыск и тем более проводить арест Сальвадо из-за каких-то беспочвенных подозрений. И не согласились с моим предложением приехать в Тихуану группу из криминально-следственного отдела ФБР. Поэтому я отправляю своих людей в Вегас, и они будут ориентироваться на месте.

Это была просто констатация факта, не подразумевающая моего согласия. Вот блин, только их не хватало. Я представил, в какую бойню может перерасти процесс обмена денег на людей, и мне на мгновение стало не по себе. А если мексиканцы потребуют сначала деньги, пообещав мне только спустя какое-то время выдать семью? Хрена с два, на такие условия я не соглашусь.

Гувер прислал трех человек, что вызвало у меня скрытую улыбку. Да, они казались подготовленными профессионалами, но всё же это была государственная организация, и агенты ФБР, в отличие от людей мафии, были ограничены законами. Я же планировал разобраться с Сальвадо и его подонками самым безжалостным образом, вполне вероятно, на его территории, куда этой троице, по словам их главного, путь был заказан.

– Это территория сопредельного государства, – заявил он мне, – куда мы не можем проникнуть без санкции со стороны руководства Мексики. Молите Бога, чтобы всю операцию удалось повернуть на территории США.

В то же время люди Лански вели постоянное наблюдение за виллой Сальвадо, но пока в поле их зрения ни Варя, ни Соня ни разу не попадали. Вот и думай, где их держат, стоит ли штурмовать особняк наркобарона, рискуя своей и чужой жизнью, если это окажется пустышкой. Держать моих родных могли где угодно, и не факт, что в Тихуане.

Поселились они в моём отеле под видом постояльцев. Я же все эти дни жил в своём доме, где каждая вещь напоминала о жене и дочери. Да, тяжело было здесь находиться, но именно домашний телефон был выбран похитителями в качестве средства связи. И зазвонил он рано утром ровно неделю спустя после похищения.

– Надеюсь, я вас не разбудил, мистер Бёрд?

Я узнал голос Хосе, в котором, как мне показалось, проскальзывало веселье.

– Деньги готовы, – хмуро ответил я, стискивая в кулаке телефонный шнур.

– Вы умеете порадовать. И хочу заметить, что привлечение агентов ФБР – не лучшая идея. Поэтому первоначальный план придётся менять. Сегодня вы приобретаете билет на завтрашний рейс до Сан-Диего и завтра вылетаете вместе с деньгами. В аэропорту вас будет ждать наш человек, который скажет, что делать дальше. И учтите: заметим слежку – сделка не состоится.

– Учтите и вы, что деньги я просто так не отдам. Вы их получите только тогда, когда я увижу жену и дочь живыми и невредимыми.

– Не беспокойтесь, мы вас не собираемся обманывать. Вы их получите сразу же, как только мы получим наши деньги.

Наши... Было ваше – стало наше. Нехитрый постулат, с которым приходится соглашаться. Но даже если я лишусь денег, это не отменяет того, что враги должны понести суровое наказание.

Если люди Гувера и следили за мной, то не очень тщательно. Во всяком случае, я не только без лишнего шума приобрёл билет до Сан-Диего, но и сумел тайком под видом багажа протащить на борт два баула с деньгами по 25 кг каждый, на всякий случай закидав деньги сверху одеждой.

В аэропорту этого приграничного города меня ждал просто одетый мексиканец лет тридцати.

– Мистер Бёрд? – с ленцой спросил он, встречая меня у трапа и кивая на сумки в моих руках. – Это деньги? Давайте помогу.

– Куда мы идём? – поинтересовался я, отдавая ему одну из брезентовых сумок.

– Здесь недалеко. Надеюсь, вы прилетели один?

– Один, о моём отъезде из Лас-Вегаса, вероятно, ещё никто не знает.

– Это правильно, нам ни к чему лишние проблемы.

Идти и впрямь оказалось недалеко, в ближайшем проулке мы остановились у пикапа с облупленной над порогами рыжей краской, в кузове которого находились какие-то ящики.

– Я спрячу сумки в тайник под кузовом, а вы пока садитесь в кабину.

– Далеко ехать?

– Увидите.

Как выяснилось, ехать пришлось через американо-мексиканскую границу. В том месте, где мы её пересекли, граница никем не охранялась ни с той, ни с другой стороны, так что сумки можно было и не прятать, а просто закидать старым тряпьем. Весь путь от Сан-Диего до Тихуаны занял всего сорок минут, города будто плавно перетекали один в другой. Да и смуглых лиц если и становилось больше, то не намного. Странно, зачем их понадобилось разделять границей и вообще половинить на два разных города? Ну да не это сейчас для меня главное.

За всю дорогу мой безымянный водитель не проронил ни слова, да и я не горел желанием вести разговоры. Всё больше поглядывал по сторонам, делая в памяти зарубки и ощущая неудобство от засунутого сзади за ремень брюк короткоствольного револьвера. Надеюсь, в ближайшее время он мне не пригодится. Не хотелось бы вместо обмена «деньги – люди» устраивать пальбу с жертвами.

Наше путешествие завершилось на большом пустыре на безлюдной окраине Тихуаны. Водитель достал из тайника сумки и поставил их в пыль у моих ног, сам же облокотился спиной о борт машины, закинул в рот партию жевательного табака и принялся его методично жевать, периодически сплёвывая себе под ноги тёмную слюну.

Минут через двадцать раздался шум двигателей, и на пустырь въехал «бьюик», а следом за ним обычный «форд». Увидев на заднем сиденье «форда» знакомые силуэты, я дёрнулся было вперёд, но был придержан за рукав мексиканцем:

– Не спешите.

Ладно, не будем спешить.

Из «бьюика» выбрались двое. Первый, двухметрового роста, с усами до подбородка, как у Дэнни Трехо, смахивал на гориллу, второму я сразу дал прозвище – Лощёный. В машине кроме водителя на заднем сиденье угадывался ещё один силуэт в белом костюме, причём, судя по всему, весьма упитанный. Стекло задней дверцы было приспущено, и оттуда периодически выплывали клубы густого дыма, а в какой-то момент высунулась рука с пальцами-сосисками, с золотым, увенчанным крупным прозрачным камнем перстнем на мизинце, стряхивая сигарный пепел.

Здоровяк с висевшим на ремне мачете в кожаных ножнах подошёл ко мне вплотную, на ломаном английском велел поднять руки и принялся меня ощупывать, в результате чего револьвер перекочевал уже за его брючный ремень. Интересно, смог бы я вырубить этого Трехо одним ударом, завладеть своим оружием, пристрелить Лощёного и следом расправиться с остальными? Не уверен, с таким соперником, чувствуется, в рукопашке пришлось бы повозиться. Да ещё этот мачете... Уж точно владелец этого тесака умеет с ним обращаться. Так что вариант с силовым освобождением заложников не прокатит, тем более жена и дочь во второй машине наверняка под прицелом.

Потом гориллоподобный тип легко подхватил сумки и поставил их у ног Лощёного. Тот присел на корточки, открыл сначала одну сумку, увидев тряпки, поднял на меня удивлённый взгляд.

– Под ними, – подсказал я.

Разобравшись с маскировкой, он пролистал на выбор пачки купюр, удовлетворённо кивнул и велел горилле отправить сумки в багажник «бьюика». Затем что-то негромко сказал толстяку в машине. Тот важно кивнул, после чего Лощёный, держа руки в карманах, приблизился ко мне.

– С вами приятно иметь дело, мистер Бёрд! – сказал он, и я сразу узнал голос Хосе. – Мой босс доволен.

– Пересчитывать не будете?

– Мы вам доверяем.

– Тогда я хочу видеть своих жену и дочь.

Лощёный сделал знак в сторону «форда», откуда с переднего пассажирского сиденья выбрался очередной боевик наркобарона и открыл заднюю дверцу автомобиля. Первой показалась испуганная Соня, следом – Варя, наши взгляды встретились, и я испытал острейшее желание задушить этих ублюдков голыми руками. На левой скуле моей жены отливал жёлтым кровоподтёк, и мои пальцы сами сжались в кулаки.

– Я же предупреждал, что если с головы моих близких...

– Увы, мистер Бёрд, не обошлось без издержек, – развёл руками Хосе. – Сеньорита сама виновата, слишком уж горячий у неё норов. Согласитесь, это ерунда, они же живы и здоровы, я бы на вашем месте на такие мелочи просто не обращал внимания.

Я скрипнул от бессилия зубами, делая ещё одну зарубку в своём виртуальном «блокноте мести» и двинулся навстречу своим родным. Однако сейчас и в самом деле главным было то, что Варя и Соня живы.

– Как вы, как ребёнок? – сразу же спросил я, легонько трогая ещё не начавший округляться живот супруги.

– Надеюсь, всё будет хорошо, – тихо сказала она, глядя мне прямо в глаза. – Я знала, что ты придёшь.

На объятия нам много времени не дали. Всё тот же Лощёный предложил нам всем троим занять задние места в «форде» – впереди сидели водитель и один из латинос, судя по оттопыривавшимся подмышкам, вооружённые пистолетами.

– Вас и вашу семью тем же путём доставят в Сан-Диего, – сказал на прощание Лощёный. – Надеюсь, у вас наберётся денег на три билета до Лас-Вегаса? А то я могу и одолжить. Да что там одолжить – подарить, учитывая тот взнос, который вы сделали в пользу несчастного Пако.

Глядя в эту ухмыляющуюся, самодовольную рожу, я решил, что, когда он мне наконец попадёт в руки, смерть его лёгкой точно не будет.

– Деньги у меня есть. Лучше бы мне вернули моё оружие.

– Чтобы вы в порыве эмоций пристрелили наших людей? Впрочем...

Он что-то крикнул на испанском горилле, тот подошёл и протянул ему мой револьвер. Спустя несколько секунд пистолет был у меня, правда, без патронов.

– Кстати, хотел спросить... Зачем нужно было ТАК убивать людей, охранявших мою семью? Патронов было жалко?

– А, вон вы о чём... Кортесу, – кивнул он на здоровяка, – нравится пускать в ход свой мачете. Он в этом деле настоящий виртуоз. К тому же это, в отличие от стрельбы, избавляет от ненужного шума.

И ещё одна зарубка. Для меня троица тех, кто должен умереть, уже определилась.

– Что ж, счастливого пути, мистер Бёрд! – оскалился Лощёный, слегка приподняв свою шляпу. – Надеюсь, мы с вами больше не увидимся.

«Надейся, сука, – подумал я, криво ухмыляясь в ответ. – Вы мне за всё ответите».

Когда пустырь с всё ещё стоявшим на нём «бьюиком» остался позади, я, глядя по волосам прижавшуюся ко мне дочь, на русском негромко сказал Варя:

– Прости меня...

– Простить? – удивилась она. – За что?!

– За то, что позволил им это сделать.

– Ты не виноват...

– Нет, милая, виноват! Понадеялся, что они не рискнут выполнить свою угрозу, хотя после покушения на меня должен был понять, что эти... хм, – я покосился на Софью, – что эти нехорошие люди способны на всё. Теперь я вас от себя не отпущу. Во всяком случае, до того момента, пока не буду уверен в вашей безопасности. А с этими... с ними я ещё разберусь.

Надеюсь, впереди сидевшие боевики не знали русского, во всяком случае, никакой реакции от них на мои слова не последовало.

Только дома Варя позволила себе проявить слабость обычной женщины. Когда Соня уже как ни в чём не бывало видела седьмой сон, она прижалась к моему плечу, не сдерживая рыданий.

– Фима, я до сих пор не могу поверить, что этот кошмар закончился. Я так боялась... Нет, не за себя, – подняла она на меня мокрые от слёз глаза. – Я боялась за Сонечку и за нашего

ещё не рождённого малыша. Я бы себе не простила, если бы с ними что-нибудь случилось. Я бы и тебе не простила.

Я гладил её по волосам и думал, что и сам бы себе не простил. А в первую очередь не простил бы Сальвадо и его отморозкам. Да я и так им не прощу, дав себе клятву, что уничтожу верхушку наркокартеля, даже если это будет стоить мне жизни.

Агенты ФБР были весьма расстроены, что их услуги негодились. Но в позу не вставали. Понимали, что в такой ситуации силовое вмешательство могло только всё испортить.

Ещё до их отбытия мне позвонил Гувер. Выразил радость по поводу возвращения моих родных и сожаление по поводу утраченных денег. Утешил, что с моими способностями я быстро возмещу потерю, главное, что жена и дочь снова со мной.

– На первое время могу приставить к ним нашу охрану, – добавил он, как бы намекая, что от казаков толку чуть.

– Спасибо, мистер Гувер, – вежливо ответил я, – но я планирую отправить жену и дочь пока в одно тихое место, подальше отсюда.

– О'кей, не имею ничего против. Мы же, со своей стороны, постараемся всё же добиться наказания Сальвадо и уж тем более сделать его бизнес в США крайне затруднительным.

Два дня спустя я провожал Варю с Соней в компании Фёдора в аэропорту Лас-Вегаса. Задача перед начальником моей охраны стояла прежняя: доставить жену и дочь в станцию Наумовскую, обеспечить максимальный комфорт и быть с ними рядом до тех пор, пока я не дам отбой. А дам я его не раньше, чем решу вопрос с бандой Сальвадо. И помочь мне в этом собирался Мейер Лански, чьи люди уже выяснили, где обитает наркобарон.

– Ты меня, Фил, не перестаёшь удивлять. Откуда в тебе столько энергии? Энергии и смелости? Я бы на твоём месте, наверное, плюнул на них, не стал бы так рисковать из-за простого желания отомстить. Лезть в их логово такими силами...

– Они меня развели на деньги, похитили беременную жену и дочь, да ещё избили мою Барбару. И ты спустил бы такое с рук? Вижу по глазам, что не спустил бы. Поэтому я отправил своих в безопасное место, и теперь ничто мне не мешает заняться местью.

– Жаль, что ты не сицилиец, – вполне серьёзно произнёс Лански. – Мог бы как минимум возглавить клан, а возможно, и всю организацию. Я с удовольствием стал бы твоим консьюлери.

– Спасибо, Мейер, за такие слова, но я рассчитываю и дальше добиваться успеха без участия в криминальных разборках. Нынешняя ситуация – исключение. А мафия... Ну, ты сам знаешь, на чём стоит ваша империя, ведь даже в твоих отелях отмываются криминальные деньги.

– Когда мы начинали, у нас не было особого выбора, – ничуть не обидавшись, ответил Лански. – Наши родители не могли нам дать приличное образование, а без него мы не смогли бы найти хорошую работу. Поэтому и занялись бутлегерством, это была хоть какая-то возможность подняться из низов. К тому же у сицилийцев принято поддерживать друг друга, должен быть человек, к которому можно прийти со своими проблемами и который поможет их решить. Местные власти зачастую плевать хотели на то, что происходит в квартале, где живут итальянцы, евреи, мексиканцы, чёрные... Поэтому им... нам приходится поневоле самоорганизовываться, выбирая лидеров. Есть власть официальная, а есть реальная, и какой-нибудь Федерико, случись что, побежит жаловаться не шерифу, а Вито Дженовезе, ну или чей там клан держит район.

В этом мне с Мейером было не поспорить. Я и сам поначалу, пробиваясь наверх, валил недругов направо и налево, причём без малейших угрызений совести, и только этим, вероятно, заработал пожизненный срок или электрический стул. Это не говоря уже о других махинациях, к примеру, с подпольным казино в Гарлеме. И о многом, кстати, тот же Гувер знает или догадывается. А при желании мог бы нарыть доказательства моей вины, даже, скорее всего, что-то и нарыл, и держит их при себе, а в случае чего достанет и предъявит уважаемому суду.

В итоге решили так: к тем двоим, уже засланным на вражескую территорию, присоединятся ещё трое его парней, более-менее понимающих испанский язык. Я же для начала перебрался в Лос-Анджелес, и там на моей киностудии гримёрша сделала меня старше лет на двадцать, добавив седины и приклеив усы и бороду, при этом заверила, что бороду можно даже мочить, ничего с ней не будет, а чтобы её отклеить, когда мне понадобится, дала пузырёк со специальным гелем. Не знаю уж, поверила ли она в мой рассказ, что я хочу разыграть своих знакомых, но поработала на совесть – из зеркала на меня смотрел совсем другой человек.

В бездомного я рядиться не стал, подобрал у костюмера неброский костюм и с чистой совестью на перекладных добрался до Сан-Диего. По счастью, копы в мою сторону поглядывали равнодушно и до проверки документов дело ни разу не дошло. Да и чем мог привлечь их внимание сутулый, опирающийся на тросточку старик?

В Сан-Диего меня подобрал человек Лански, представившийся Раулем. Когда мы встретились в условленном месте, он сначала не поверил, что перед ним Фил Бёрд, пришлось объяснять перемены во внешности. Мы отправились в Тихуану, только уже другим путём, не тем, которым я добирался с молчаливым человеком Сальвадо на стареньком пикапе.

Наше недолгое путешествие завершилось в каких-то трущобах у тихоокеанского побережья. Рауль проводил меня в стоявшую на отшибе хату, где я познакомился с ещё тремя членами боевой группы.

– Пабло сейчас следит за особняком Сальвадо, – пояснил Рауль. – Мы на крыше дома напротив оборудовали наблюдательный пункт. Вечером Пабло придёт, расскажет, что там к чему.

– Хотелось бы провести операцию пораньше, не затягивая, – сказал я, глядя, как один из мужчин, представившийся Ицхаком, выставляет на стол неприязательную еду. – Я бы не отказался наведаться к Сальвадо этой ночью.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Рауль. – Дождёмся Пабло и решим, как лучше. Кстати, как у вас с оружием?

Я продемонстрировал короткоствольный револьвер и нож с пятнадцатисантиметровым лезвием из высокоуглеродистой стали.

– Ничего более громоздкого взять с собой не мог. Хотя, в общем-то, хотелось бы всё проверить без шума.

– Ну не знаю, как там без шума... Ножи у нас тоже имеются, но есть и кое-что помощнее.

Рауль прошёл в угол, присел на корточки и откинул циновку. В тайнике под досками пола обнаружили пяток «томпсонов», пара укороченных дробовиков, снайперская винтовка с оптическим прицелом и даже гранаты... Это не считая имевшихся при себе у моих партнёров по акции возмездия пистолетов. Патронов – два ящика. Разве что пулемёта не хватало. Как они только приволокли всё это сюда из Лас-Вегаса? Или уже здесь приобрели? Не суть важно, главное, что с таким арсеналом можно спокойно идти на приступ любого особняка в Тихуане, даже если он принадлежит главе местного наркокартеля. Но я-то всё же предпочитал по возможности сделать всё тихо, не привлекая внимания всей округи.

– У Сальвадо под рукой всегда его адвокат и советник, он же по-нашему консьюери, – объяснял мне Рауль, когда мы приступили к трапезе. – Зовут его Мичел Мария Хименес, с ним вы общались, когда передавали деньги...

– Так вы что, там были?

– Да, сели им на хвост, когда они на двух машинах куда-то отправились. А потом уже следили в бинокль, ближе подобраться было нельзя. Была бы у нас хоть одна снайперская винтовка на двоих... Так вот, этот Хименес живёт в квартале от виллы босса.

– Он мне тоже нужен, – заявил я, твёрдо глядя в глаза собеседнику.

– Хорошо, не вопрос, если удастся завалить Сальвадо без лишнего шума, сможем сразу же атаковать и дом адвоката. На вилле обычно присутствуют четверо вооружённых охранни-

ков, хотя при желании Сальвадо может собрать и сотню. Но на это нужно время, а мы, надеюсь, управимся быстрее.

– Это точно, затягивать нам не с руки, – кивнул назвавшийся Джеком боевик явно иудейской наружности.

– Из этих четверых особым доверием Сальвадо пользуется Кортес, тот самый здоровяк, что забрал у вас сумки с деньгами. Ходят слухи, что он бессмертный. Врут, конечно, но Кортес действительно умудрился каким-то чудом выжить после того, как его несколько лет назад буквально изрешетили пулями.

– У Сальвадо есть жена и трое детей, – продолжил Рауль, – старшему двадцать один год, он живёт отдельно, а другой сын и дочь – ещё подростки.

– С ними постараемся обойтись аккуратно, – предупредил я.

– С вашими-то они не очень миндальничали.

– Не будем уподобляться этим животным.

Как дальше выяснилось, главное – проникнуть на территорию особняка. По верху окружавшего двор кирпичного забора высотой около двух с половиной метров висела колючая проволока, но, по словам Рауля, преодолеть препятствие можно без проблем. В дальнем углу двора возле забора рос пышный кустарник, колючий, что плохо, но высотой под три метра. С другой стороны забора – не менее пышные заросли, в которых сейчас спрятана раздвижная лестница, с помощью неё предполагалось перебраться через ограду. После наступления темноты во двор обычно никто не выходит, кроме охранника, выгуливающего перед сном немецкого дога. Это происходит обычно около десяти вечера.

– Так и будете дальше изображать старика? – с ухмылкой спросил набивавший патронами магазин «томпсона» Рауль, который, видно, в этой компании был за старшего.

– Пока да, не хочу, чтобы после нашей операции кто-то случайно увидел в Тихуане человека, похожего на мистера Бёрда. Избавлюсь от маскировки, когда вернусь в Штаты. Кстати, мало ли что может случиться, предлагаю каждому из вас для конспирации закрыть нижнюю часть лица платком. Если больших платков нет, нарежем тряпок. Мне ни к чему, я и так неплохо загримирован.

С наступлением темноты вернулся Пабло. С его слов выходило, что Сальвадо в сопровождении Кортеса отправился в одно частное заведение, где предоставляли услуги интимного характера. Попросту говоря, в публичный дом.

– При живой-то жене?! – не смог сдержать я удивлённого возгласа.

– Вряд ли он ей доложил, куда направляется, – ощерился Пабло, демонстрируя пожелтевшие от табака зубы. – Даже если бы и сказал... Она у него смирная, забитая овечка. Сальвадо приглядел её, когда ей было всего шестнадцать, и бедные родители девушки не смогли отказать уже тогда известному на всю Тихуану человеку. Они ещё ему благодарны, что Сальвадо вытащил их дочурку из нищеты.

Тут у меня родилась идея не ждать, когда наша цель вернётся под защиту родных стен, а накрыть его прямо в борделе. Предложение было одобрено, хотя и не сразу.

– А что, если, пока мы добираемся, он уже уедет? – спросил Ицхак.

– Пошлём сначала кого-нибудь на разведку, – ответил Рауль. – Я и сам могу туда навестись под видом клиента.

– Ладно, но что будем делать с остальными обитателями публичного дома?

– Постараемся обойтись без лишней крови, – сказал я. – А если кто попытается поиграть в героя, разрешаю открывать огонь на поражение.

– Ну что, тогда готовимся к выходу?

Рауль вопросительно окинул нашу небольшую группу взглядом. Я тоже исподволь взглянул в глаза каждому. В них читалась решимость, и я понял, что Лански не поскупился, прислал если и не лучшие, то далеко не последние кадры.

Самым молодым из них был Лео, лет двадцати с небольшим. Однако, глядя на этого обладателя орлиного носа и чёрной кучерявой шевелюры, я видел, что и он в случае чего без лишних угрызений совести нажмёт на спусковой крючок «томпсона». Уверенность, излучаемая каждым из этой пятёрки, не оставляла сомнений в их готовности либо безжалостно истребить противника, либо сложить голову на поле брани. Будем надеяться, второй вариант – это не про нас.

А готов ли я сам пожертвовать своей жизнью? Оставить без мужа Варю и без отца Соню и ещё не рождённого ребёнка? Не говоря уже о Люке, хотя он и растёт в полной семье, считая Кларка своим отцом... Может, зря я во всё это ввязался? Узнай об этом Берия и тем более Сталин, разве они разрешили бы мне так подставиться? Наверняка нет. А я не могу поступить иначе. Затронута честь моей семьи, и если мне суждено погибнуть, то дети будут знать, что их отец умер как мужчина.

В этих широтах темнеет рано и резко, а тут ещё зарядил настоящий тропический ливень. Час спустя мы всей гопкомпанией кое-как – двое (включая меня) спереди и четверо сзади – загрузились в подержанный «пontiак». За рулём сидел Пабло, неплохо выучивший местную географию. Я, честно говоря, сразу же запутался в хитросплетениях местных улочек, но Пабло уверенно вёл автомобиль то по мощёной булыжником, то просто по грязной дороге, взрезая светом фар чернильную, пронизанную нитями дождя тьму.

Припарковались мы в квартале от объекта под аркой одной из подворотен. Наши плащи неплохо скрывали «томпсоны», которых на задание взяли четыре экземпляра. Захария предпочёл дробовик, я же ограничился тем, с чем и пришёл, – кольтом и ножом. Жаль, что на пистолет не было глушителя, но в общем-то он в любом случае стреляет тише, чем тот же дробовик. В нашу пользу было и то, что дождь не прекращался, и звуки выстрелов в закрытом помещении с улицы вряд ли будут очень уж слышны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.